

А Н О Н И М А Y C

АНОНИМУС

АНОНИМУС

Дело бога Плутоса

«СОЮЗ»

2023

АНОНИМУС

Дело бога Плутоса / АНОНИМУС — «СОЮЗ»,
2023 — (АНОНИМУС)

ISBN 978-5-6050127-4-0

Наши дни Парижскую подругу Ореста Волина, капитана французской полиции Ирэн Белью прямо на улице обворовывает банда малолетних налетчиков. Однако Ирэн удается задержать самого младшего из них, двенадцатилетнего Венсана Ретеля. Тот приводит ее к своей матери, торгующей на блошином рынке старинными и просто ветхими вещами разной ценности. Ирэн обнаруживает, что на лотке у мадам Ретель лежит фотоальбом с частью украденного фотоархива иранского шахиншаха Насер ад-Дина, которого когда-то спас Нестор Загорский. Май 1910 года Патрон Нестора Васильевича Загорского, тайный советник С. подготавливает последнюю редакцию русско-японского договора. В этом договоре есть секретный раздел, который не подлежит опубликованию ни при каких обстоятельствах. В противном случае он может стать поводом к началу большой европейской войны. Тайный советник, простудившись, забирает секретную часть договора из министерства к себе, чтобы поработать над ней дома, потому что времени до подписания остается совсем немного. Однако внезапно папка с секретным разделом, заверенным печатями министерства иностранных дел России, исчезает, вместе с ней исчезает и тридцатилетний сын тайного советника, Платон Николаевич. Дело чрезвычайно деликатное и С. обращается за помощью к Загорскому.

ISBN 978-5-6050127-4-0

© АНОНИМУС, 2023

© СОЮЗ, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава первая	17
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анонимус

Дело бога Плутоса

* * *

© текст АНОНИМУС
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Пролог

Мадемуазель ажан

У капитана парижской полиции мадемуазель Ирэн Белью имелась одна маленькая слабость. Впрочем, точнее было бы назвать эту слабость не слабостью, а хобби или, если обойтись без английских слов, которые справедливо не любят во Франции, просто увлечением.

Увлечение это могло показаться не слишком экзотическим, однако немного старомодным. В то время, как французская молодежь жизни своей не мыслила без футбольных матчей, компьютерных игр, социальных сетей и бесконечных сэлфи, Ирэн больше всего любила посещать блошинные рынки или, говоря попросту, барахолки. Понятно, что барахолка барахолке рознь. Если на одной легко можно найти, скажем, подлинный трон Луи Четырнадцатого, который он когда-то завещал своим марокканским родственникам, чьи потомки теперь торгуют этими тронами оптом и в розницу, то на другой барахолке ничем, кроме десятка особенно кусачих блох, и не разживешься.

Но Ирэн, как истая парижанка, знала истинную цену всем столичным барахолкам. Она исходила их вдоль и поперек, от самой крупной Маршэ о пюс дё Сент-Уан¹ с ее бесконечными просторами, где на одном рынке располагаются сразу несколько, до блуждающих передвижных, на которые натыкаешься почти случайно.

Однако наибольшую любовь она испытывала к блошиному рынку дё Ванв: здесь был большой выбор старинных монет, книг и виниловых пластинок. Каждые выходные сотни продавцов со всей Франции выходили туда, как рыбаки на морской промысел, выкладывали на лотках редкие, старинные или просто любопытные вещи и на них, словно на живца, шел покупатель.

Покупатель, разумеется, был разный. Встречались такие, которые просто проходили мимо, и вдруг взгляд их падал на какую-нибудь незамысловатую, потемневшую от времени серебряную безделушку – и тут уж не зевай, продавец, успевай подсечь глупую рыбешку. Имелись, конечно, и более-менее постоянные клиенты – таких на кривой кобыле не объедешь: чтобы им что-то всучить, надо как следует поработать. И, наконец, существовал третий сорт покупателей – люди понимающие, разбиравшиеся в предмете не хуже, а то и лучше самих продавцов.

Мадемуазель Белью дрейфовала где-то между второй и третьей категорией. Чтобы окончательно прибиться к понимающим, ей не хватало свободного времени, а в идеале – и свободных средств. Полицейские во Франции зарабатывают недурно, грех жаловаться, однако для настоящего коллекционера этих денег все-таки маловато.

Свернув на авеню Жорж Лафенестр, она не торопясь двинулась вперед. Было свое очарование в том, чтобы оттянуть миг свидания с любимым местом. Удовольствие усиливалось тем, что только вчера Ирэн вышла в отпуск. Ощущение свободы сладко смешивалось с предвкушением грядущих находок на лотках дё Ванв, воображение подкидывало ей картины одна другой привлекательнее.

Однако в этот раз все пошло не совсем так, как ей думалось. Или, точнее, совсем не так.

Не дойдя до рынка совсем немного, она вдруг услышала за спиной гортанные крики, и в ту же секунду на нее налетела компания чернокожих подростков. Они весело толкали друг друга, кричали, дергали за одежду – словом, наслаждались жизнью в той мере, в какой позволял им скромный социальный статус. Человек неопытный решил бы, что его в этой неразберихе

¹ Marché aux puces de Saint-Ouen (*фр.*) – блошинный рынок Сент-Уан.

сейчас просто собьют с ног, но капитан Белью отлично знала, что тут ее подстерегает опасность другого рода – и мгновенно вцепилась в сумочку.

Однако, как ни быстро она действовала, мальчишки оказались быстрее. Расстегнутый ридикюль зиял огорчительной пустотой, из него исчезли кошелек и косметичка. А подростки уже с гиканьем и хохотом неслись прочь. Бежать за ними бесполезно – все равно не догонишь, а если и догонишь, скорее всего, просто схлопочешь по физиономии, на тебе же не написано, что ты – флик².

На счастье, одного из подростков – самого маленького из всех, на вид лет двенадцати – затолкали его приятели, и он чуть-чуть замешкался, восстанавливая равновесие. Ирэн немедленно этим воспользовалась: схватила его за тощую руку и выкрутила ее за спину, поближе к лопаткам – так, чтобы и дернуться не смог.

– Стоять, – проговорила она, – французская полиция!

И с удовольствием сунула ему в нос удостоверение, которое, по счастью, хранила не в сумочке, а во внутреннем кармане зимней куртки.

– За что, мадам? – заныл негритенок. – Что я вам сделал?!

– Сейчас узнаешь, – пообещала Ирэн. – А теперь вперед, нас ждет полицейское отделение.

И слегка подтолкнула его в спину. Но мальчишка, вместо того, чтобы идти туда, куда она его подталкивала, вдруг завопил, как резанный.

– Спасите, – голосил малолетний воришка, – она меня убивает! Нацистская сволочь убивает черного ребенка!

На крик стали оглядываться прохожие. Возмущение обывателей следовало пресечь в корне, и потому Ирэн помахала в воздухе удостоверением. При этом она чувствительно надавила на кисть малолетнему бандиту.

– Еще хоть слово вякнешь – прощайся с рукой, – прошептала она и, не отпуская паренька, быстро повела его вперед.

Несколько секунд мальчишка только мелко семенил впереди нее и хватал губами воздух, как рыба, выброшенная на берег. Потом загундосил:

– Не имеете права, я несовершеннолетний...

– Ничего, – отвечала она, не замедляя шага. – Для таких умников есть ювенальная юстиция. Слышал, что такое воспитательные меры?

– Да что я сделал-то? – в отчаянии возопил мальчишка.

– В составе банды ограбил работника полиции – вот что ты сделал.

– Да не брал я ваш кошелек! – возмутился воришка. – Я вообще мимо шел.

– Раскололся, дурачок, – усмехнулась мадемуазель Белью. – Если не крал, откуда знаешь, что увели кошелек? Имей в виду, организованное нападение считаетсяотягчающим вину обстоятельством. За такое можно и в тюрьму загреметь, никто на твой возраст смотреть не станет.

– Ладно, – пробурчал подросток, поняв, что запираяться выйдет себе дороже. – А если подгоню лопатник обратно, отпустите?

– Ты мне условий не ставь, – сурово сказала Ирэн. – Сначала верни, потом будем разговаривать.

К ее удивлению, негритенок повел ее прямо на Марше о пюс дё Ванв. По дороге она выяснила, что зовут его Венсан, фамилия Ретель. Мадемуазель Белью только головой покачала: ну, конечно, Венсан Ретель! Красиво, черт побери, аристократично! А почему уж сразу не Валуа или Бурбон³? Каких только имен не берут себе простые африканские иммигранты!

² Флик (*фр.*) – жаргонное словечко, обозначающее полицейского.

³ Валуа, Бурбоны – фамилии французских королевских династий.

Спустя пару минут, пройдя мимо нескольких лотков, они остановились перед полной чернокожей торговкой, сиявшей, словно начищенный таз. Сияли белки ее глаз, сияла черно-коричневая кожа на лице, сияли белоснежные зубы во рту, который безостановочно улыбался; сияла даже теплая красная куртка, плотно охватывавшая дородное тело. Казалось, дама заполняла своим сиянием все окружающее пространство, и если бы на улице стояла ночь, рядом с ней вполне можно было бы обойтись без фонарей.

Женщины этой на рынке дё Ванв Ирэн раньше не видела. Она окинула быстрым взглядом ее лоток. Набор товаров чрезвычайно пестрый – от носовых платков до потертых фотоальбомов. Может быть, она бандерша, и лоток – лишь место сбыта вещей, которые удалось раздобыть шайке малолетних бандитов?

Мадемуазель Белью перевела взгляд на лицо чернокожей дамы. Если с крестиком, то, скорее всего, звать ее Мари. Если без крестика, то, вероятно, Фатима. Именно два этих имени почему-то очень популярны среди выходцев с африканского континента. Марией себя обычно называют чернокожие, принявшие христианство, те же, кто в вечном историческом споре взял сторону ислама, предпочитают зваться Фатимой или как-то в этом роде.

Дама тем временем, наконец, заметила и Ирэн, и мальчишку. Окружавшее ее сияние тут же угасло, глаза нехорошо сощурились.

– Мам, – угрюмо сказал негритенок, – ей нужен кошелек!

И выразительно кивнул на Ирэн.

– Кошелек? – протянула мадам Ретель. – Кошельки у нас есть, на любой выбор.

И она вытащила из-под лотка целую коробку с разноцветными бисерными кошельками. Три евро штука, на десять евро – пять штук.

– Нет, благодарю, – холодно сказала Ирэн. – Мне нужен мой кошелек.

Глаза у чернокожей мадам широко открылись и удивленно заморгали. Боже мой, откуда же у нее может быть кошелек мадемуазель?

– Мам, она флик, – уныло проговорил мальчишка.

Чернокожая дама нахмурилась: нехорошо говорить флик, это обидное прозвище. Следует говорить мадам ажан. Ирэн, услышав такое, поморщилась – ей это цирк был слишком хорошо знаком.

– Вот что, мадам Ретель, – сказала она решительно. – Я – офицер полиции, а ваш сын – член уличной банды. Он с подельниками напал на меня и украл мой кошелек. Это ограбление с отягчающими обстоятельствами, выводы можете сделать сами.

Мамаша Венсана посмотрела на нее с ужасом. Боже мой, что такое говорит мадам? Ее сын – послушный мальчик, он не мог состоять ни в какой банде, это все наветы злых людей, которые ненавидят бедных чернокожих.

– Все понятно, – кивнула Ирэн. – Я забираю мальчика с собой, а вы пока свяжитесь с адвокатом, он вам очень понадобится...

И она решительно дернула за собой Венсана. Тот скроил паническую физиономию.

– Стойте, – торопливо заговорила мадам Ретель, – подождите. Вы знаете, я на все готова ради сына, но что, если он не виноват? Что, если вы сами что-то перепутали? Может быть, вы не заметили кошелек, а он так и лежит в вашей сумке?

– Это плохая шутка, – сурово отвечала Ирэн.

– И все же посмотрите. Если его там нет, забирайте Венсана с собой, слова не скажу против.

Ирэн внимательно поглядела на мамашу. Все понятно. Видимо, пока она стояла тут, кто-то из подельников мальчишки подбросил кошелек обратно ей в сумку.

– Посмотрите, прошу вас... – мадам Ретель просто источала елей.

Не сомневаясь, что кошелек уже подбросили в сумку, мадемуазель ажан открыла ридикюль. Однако, к величайшему ее удивлению, кошелек там не было.

– Кошелек нет, – проговорила она, поднимая глаза на мадам Ретель.

– Конечно, – та улыбнулась во весь рот, обнажив белые зубы. – Конечно, его там нет. И быть не может. Потому что вы сами уронили его только что на землю.

И она показала пальцем вниз. Там, прямо перед лотком, лежал золотистый кошелек от Диора. Похоже, хитрая мадам Ретель все-таки обвела ее вокруг пальца.

Чертыхнувшись, Ирэн подняла кошелек и открыла его. Банковские карты, водительское удостоверение и даже наличные – все было на месте. Видимо, малолетние грабители притаскивали всеворованное мадам Ретель, а она уже решала, что с этим делать дальше. Пока Ирэн рылась в своей сумочке, мамаша Венсан ловко подбросила кошелек прямо ей под ноги. Высокая квалификация, ничего не скажешь.

– Надеюсь, все в порядке? – мадам Ретель снова сияла, как начищенный медный таз. – У вас больше нет к нам никаких претензий?

– Нет, – процедила Ирэн. – Претензий нет. Желаю удачи.

И совсем было повернулась, чтобы идти прочь. Но тут вдруг что-то царапнуло ее глаз. Что-то маленькое, но хлесткое, как, бывает, случайно ударит по глазу пролетающая мимо мошка.

Она снова повернулась к лотку мадам Венсан и опустила взгляд. В ту же секунду трепещущее ощущение необыкновенной удачи сжало ей сердце. На лотке лежал старинный, открытый на первой странице фотоальбом, с которого глядела на нее бровастая усатая женщина в короткой юбочке. Стараясь не спугнуть удачу, мадемуазель Белью небрежно подтянула к себе альбом, перекинула страницу, и на следующей увидела еще одну пышную красавицу, чуть менее усатую, но такую же бровастую, и в такой же неприлично короткой юбочке. Та сидела, поджав ноги по-турецки, и хмуро смотрела куда-то вдаль. Еще одна страница – и Ирэн окончательно поняла, что не ошиблась. Со старинной пожелтевшей фотографии в полном воинском облачении и очень довольный собой глядел на нее усатый повелитель Ирана Насер ад-Дин шах Каджар.

«Боже мой, – подумала она, – да ведь это фотографии, украденные из архива шахиншаха. Их считали безвозвратно утерянными. Впрочем, Орест, кажется, говорил, что Загорскому удалось найти часть архива. Но откуда же они взялись тут, в Париже?»

– Странные фотки, – сказала она, небрежно бросая альбом на лоток. – Откуда они и кто на них изображен?

Мадам Ретель отвечала, что она не знает, кто все эти дамы, но ей известно, что это очень старинные и очень ценные фотографии, им, может быть, три или четыре века.

– Три или четыре века! – хмыкнула Ирэн. – Да само искусство фотографии существует меньше двухсот лет...

Но мадам Ретель настаивала: фото может быть, и не такие древние, но все равно очень ценные.

– Были бы они ценные, давно бы хранились в музее Лувра, а не валялись на барахолке, – отвечала мадемуазель ажан и, демонстрируя полное отсутствие интереса к фотоальбому, взяла с лотка первое, что попало ей в руки.

Это была старая ученическая тетрадка, и Ирэн небрежно раскрыла ее на первой странице. Но если при взгляде на фотоальбом у нее забило сердце, то теперь у нее потемнело в глазах. На нее смотрели неразборчивые, но страшно знакомые выцветшие строки, записанные шифрованной скорописью. Этот почерк и эту скоропись она уже видела раньше, когда приезжала в Россию, и генерал Воронцов, проникшийся к ней необыкновенной симпатией, решил показать ей дневники Нестора Васильевича Загорского.

Она все еще чувствовала на себе испытующий взгляд мадам Ретель, и у нее хватило выдержки успокоить дыхание и изобразить на лице недоуменную гримасу.

– А это что такое?

– Это исторические записки на древнем мертвом языке, – не обинуясь, соврала мамаша Венсана.

Ирэн хмыкнула: то у вас фотографиям четыреста лет, то записки на мертвом языке в ученической тетради. Торговка защищалась, говоря, что тетрадь ведь очень старая, почему бы там не писать вымершим народам на мертвом языке?

– Тетрадке этой от силы лет пятьдесят, – Ирэн нарочно снизила возраст тетради, чтобы окончательно спустить мадам Ретель с небес на землю. – У моей тетки таких полно, я хоть завтра заполню их каракулями и буду говорить, что это древний язык. У вас, поди, не одна такая есть, верно? Одну продаете, другую вытаскиваете...

Мадам Ретель потупилась и созналась, что тетрадей, действительно, целая коробка. Но если мадам ажан купит у нее альбом с фотографиями, то коробку с тетрадями она отдаст ей за полцены.

Мадам ажан мысленно возликовала, но внешне на лице ее не дрогнул ни единый мускул, она лишь плечами пожала: и зачем ей нужен старинный альбом с усами тетками, если таких теперь и в реальности полным-полно? А, впрочем, сколько она там хотела за то и другое вместе?

Мадам Ретель назвала цену величиной в половину месячного оклада Ирэн. Соблазн был необыкновенно велик, но неужели она даже не поторгуетсь? В конце концов, ажан она или не ажан?

– Мы вот как поступим, – сказала Ирэн, поразмыслив несколько секунд. – У вас есть документы, доказывающие, что эти вещи принадлежат вам?

Торговка выпучила глаза и заморгала. Мадам ажан, какие тут могут быть документы, она ведь сама их купила у одного собирателя древностей!

– Значит, нет документов, – припечатала мадемуазель Белью. – В таком случае, мне придется изъять это все и отправить на экспертизу. Возможно, поступали заявления о пропаже всех этих предметов.

И она широким жестом обвела лоток мадам Ретель. Конечно, она не имела никаких оснований изымать чужое имущество, но мамаша Венсана, похоже, этого не знала. Более того, она посерела от ужаса и замахала руками: хорошо-хорошо, она готова сбросить еще пятьдесят евро – но исключительно для мадам ажан!

– Куплю все вместе за пятьсот евро, – не моргнув глазом, отвечала Ирэн.

В конце концов, сговорились на тысяче. Мадам Ретель была так любезна, что лично упаковала и альбом, и коробку с дневниками, и еще долго махала вслед мадам ажан, которая, ухватив покупки, устремилась прочь так быстро, словно боялась, что торговка вдруг опомнится и потребует все купленное назад.

Не успела, впрочем, она добраться до метро, как зазвонил мобильный. Рингтоном у Ирэн на телефоне стоял Клод Дебюсси – ноктюрн «Лунный свет». Но сейчас любимый композитор звучал навязчиво и даже раздражающе. Она хотела отклонить вызов, но увидела, что определился номер Ореста Волина. Потрясающее совпадение, неужели Волин что-то почувствовал?!

Ирэн приняла вызов.

– Ты не поверишь, что я нашла! – прокричала она в трубку, поставив покупки на землю и крепко придерживая их ногой, на случай, если очередной подросток захочет на них покушаться. – Как там у вас говорят: ты стоишь? Если стоишь, то сядь, если сидишь, то ляг...

– Иришка, я и сяду, и лягу, но не сейчас, а чуть попозже, – отвечал он нетерпеливо, и голос Волина показался ей крайне хмурым. – У нас тут беда: Сергей Сергеевич попал в Коммунарку.

Сергей Сергеевич – это был тот самый генерал Воронцов, а что такое Коммунарка, этого она не знала.

– Коммунарка – это ковидный госпиталь, – объяснил Волин. – Угрозило старого черта подхватить корону на самом излете пандемии...

Сегодня он выражался как-то особенно непонятно, наверное, потому, что очень волновался. Впрочем, догадаться о чем именно он говорит, было несложно.

– Ситуация крайне хреновая, – продолжал старший следователь, – генерал лежит под ИВЛ.

И, не дожидаясь, вопроса, расшифровал: ИВЛ – это аппарат искусственной вентиляции легких.

– Да, это очень хреново, – вынуждена была согласиться Ириш или, как звал ее Волин, Иришка. – Какие перспективы?

– Перспективы хуже некуда, – мрачно отвечал старший следователь. – Человеку девяносто лет в обед, у него коронавирус, на пятьдесят процентов поражены легкие и лежит под ИВЛ – какие, по-твоему, могут быть у него перспективы?

– И никакой надежды? – упавшим голосом спросила Иришка. Ей очень нравился Сергей Сергеевич, хотя он и был пенсионером Комитета государственной безопасности, к которому на Западе отношение было традиционно неприязненным. Но одно дело – Комитет, к тому же почивший в бозе, и совсем другое – конкретный Сергей Сергеевич, который самому Оресту был чем-то вроде дедушки.

Волин отвечал, что надежда есть, хотя и призрачная. Доктора в Коммунарке говорят, что на Западе недавно появился очень хороший препарат для лечения коронавируса, с минимальными побочными действиями, что в их случае очень важно. Но есть одна проблема – у них в России этот препарат пока не зарегистрирован, так что взять его неоткуда.

– Ты хочешь, чтобы я его купила здесь и отослала в Москву? – догадалась Иришка.

– Не отослала, а привезла, – отвечал старший следователь. – Или, если не можешь сама, перешли с кем-нибудь. Но обязательно сегодня. Принять его нужно в первые четыре дня от начала болезни, тогда он будет по-настоящему эффективен. А четыре дня истекают сегодня вечером.

Иришка ахнула: почему же он раньше не позвонил? Да потому что он только сегодня обнаружил, что Воронцов слег. Тот до последнего не хотел к врачам обращаться, аспирином лечился. Ну, и долечился до того, что стал сознание терять. Хорошо, ему Волин позвонил. Подхватил генерала и тепленького доставил в Коммунарку. А уже там его к ИВЛ подключили. И там же врачи Волину рассказали про лекарство. Одним словом, надо успеть купить препарат и сегодня к вечеру быть в Москве. Иначе их дорогой генерал отбросит свои старческие копыта.

– Хорошо, я попробую успеть, – проговорила Иришка, думая о том, как ей повезло, что у нее как раз начался отпуск. И тут же поправилась. – Нет, я успею, конечно, успею...

Увы, она не успела. В российской столице разыгралась метель, и борт Париж-Москва откладывался, и откладывался, и никак не мог вылететь вовремя. А когда он все-таки вылетел и спустя четыре часа приземлился, в Москве было уже хмурое зимнее утро – такое же хмурое, как и старший следователь Волин, встречавший ее в международном аэропорту Шереметьево.

– Прости, – шептала Иришка, обнимая Волина, – пожалуйста, прости...

На самом деле, она, конечно, была ни в чем не виновата, просто где-то в небесной канцелярии решили, что метель разыграется, и борт не вылетит вовремя, и уж точно вовремя не приземлится.

– Ладно, – сказал Волин, лицо которого за долгие часы ожидания в аэропорту сделалось черным. – Ты тут вообще не при чем. Препарат при тебе? Поехали в Коммунарку, может спасем кого-нибудь еще...

И они сели в такси, и поехали в Коммунарку, и ехали еще долгих два часа. Хотя снегопад уже кончился, в силу вступили утренние московские пробки. Это была самая томительная поездка в жизни Иришки, и в жизни Волина, наверное, тоже. Он до последнего надеялся,

что, может, Воронцов еще жив, что лекарство пригодится именно генералу, а не неизвестному больному – и она тоже больше всего на свете на это наделась. Но надежда таяла с каждой минутой, а когда они все-таки вошли в «зеленую зону» Коммунарки, она растаяла окончательно.

Вышедший к ним лечащий врач с красными от бессонницы глазами несколько секунд смотрел на Волина, не узнавая, потом спросил: что?

– Мы вот, – сказал старший следователь хмуро, – к Воронцову с лекарством. Аэропорт не принимал, опоздали...

Тут Иришка не выдержала и горько заплакала. Она плакала и плакала, и не могла остановиться. Все-таки это испытание – иметь русскую кровь. Разве стала бы французский ажан Ирэн Белью рыдать над малознакомым стариком, которого она видела пару раз в жизни? Нет, никогда. А русская Иришка Белова плакала и не могла остановиться.

Врач перевел взгляд с Волина на нее, потом снова на Волина – и в глазах у него зажглась какая-то мысль.

– А, – сказал он, как будто что-то вспомнив, – вы к генералу! Давайте лекарство, начнем терапию.

– Так он жив? – перестав плакать, немеющими губами спросила Иришка.

– Жив, курилка, что ему сделается... Лежит под ИВЛ. Старой закалки человек, такие в огне не горят, а в воде – тем более.

Тут Иришка опять заплакала – теперь уже от радости. Волин поднял брови.

– Но вы же сказали, что надо уложиться в четыре дня...

– Ну, это в идеале, – проговорил врач несколько нетерпеливо. – Всегда лучше начать лечить раньше, чем позже. Давайте лекарство и начнем уже...

* * *

Кабинет «Гобелены» в московском ресторане «Турандот» сдержанно гудел. Электрическим солнцем сияла хрустальная люстра, паря над накрытым столом, за которым расположились сейчас полтора десятка человек самого разнокалиберного вида. Высокие и маленькие, лысые и седые, курносые и просто носатые – почти всех их объединяла только служба в органах, да еще, пожалуй, возраст: самому молодому было хорошо за семьдесят.

Солидно посверкивали под люстрой фарфоровые тарелки и серебряные приборы, так же солидно блестели лысины. Гобелены на стенах поражали разнообразием сюжетов; изображенные на них предметы, а также реальные и мифические животные вроде сов, фениксов и орлов символически обещали изобилие, богатство, победу и другие приятные для любого почти человека вещи.

Однако главным героем банкета в ресторане «Турандот» был не любой и всякий, а совершенно конкретный генерал КГБ в отставке Сергей Сергеевич Воронцов. Сегодня здесь отмечалось девяностолетие отважного разведчика...

– И контрразведчика тоже, между нами говоря, – добавил полномочный представитель Федеральной службы безопасности, пятидесятилетний полковник Андрейкин, возвышавшийся сейчас над остальными гостями с бокалом в руке. Среди сослуживцев Воронцова, искушенных возрастом старых одров, румяный плотный полковник смотрелся почти мальчишкой.

– Возможно, не все присутствующие знают, – тут полковник обратил игривый взор на мадемузель Белью, которая вместе со старшим следователем Волиным сидела по правую руку от генерала, восседавшего, как и положено, во главе стола, – да, так вот, возможно, не все знают, что Сергей Сергеевич Воронцов – подлинный универсал нашего дела и успел поработать и в разведке, и в контрразведке. Ордена и медали, которые по скромности своей он не надел, ограничившись лишь орденскими планками, ясно говорят о том огромном вкладе, которые генерал внес в дело защиты и процветания нашей родины.

Суровые ветераны важно закивали, подтверждая слова полковника, который им с высоты их возраста казался просто молокососом – уж внес так внес, тут ни убавить, ни прибавить.

– Сергей Сергеевич, – продолжал Андрейкин, – есть подлинный стратег нашего великого дела. Потому что лишь подлинный стратег может не только идеально выполнять свои служебные обязанности, но и дожить при этом до столь почтенного возраста. Хотя, когда я смотрю на генерала Воронцова, я думаю: к черту возраст! Как верно заметил классик: разведчики – и контрразведчики тоже – бывшими не бывают! Это значит, что случись чего, наш дорогой Сергей Сергеевич, как и в прежние годы, встанет на защиту интересов отчизны и от врагов наших только пух полетит...

– И перья, – неожиданно добавил генерал, который до этого сидел так неподвижно, что можно было принять его за восковую фигуру, которую почему-то забыл в Москве выездной музей мадам Тюссо.

– Да, и перья! – в восторге воскликнул полковник. – Именно перья! Как верно выразился другой классик: полетят клочки по закоулочкам. Этот слоган следовало бы взять в качестве девиза нашей замечательной организации. Впрочем, как говорил третий классик, какие наши годы, мы свое еще возьмем!

Воронцов, который еще не вполне оправился после ковида, устало смежил очи и снова превратился в восковую фигуру. Иришка и Волин обменялись быстрыми беспокойными взглядами – по их мнению, Сергей Сергеевич совершенно напрасно затеял всю эту помпу с юбилеем. Нужно было отложить банкет хотя бы на пару недель и восстановиться немного, и только потом уже разводить всяческие юбилеи...

– Что будет потом, никто не знает, – ворчливо отвечал им Воронцов. – В моем возрасте до «потом» дело вообще может не дойти. Кто сегодня юбилей не отпраздновал, завтра отпразднует похороны. Как говорилось в «Приключениях Шурика»: в твоём доме будет играть музыка, но ты ее не услышишь! Так что даже не отговаривайте.

Они и не отговаривали, однако между собой условились внимательно приглядывать за генералом и в случае чего немедленно прервать эту, как выразился Волин, вакханалию. Впрочем, с полным основанием называть воронцовский юбилей вакханалией язык не повернулся бы даже у директора ФСБ. На вакханку тут тянула одна Иришка, но она вела себя крайне скромно и даже ничего не пила, только пригубливала вино из бокала при очередном тосте в честь юбиляра. Древние же сослуживцы Воронцова, составлявшие на банкете квалифицированное большинство, и подавно не похожи были на сладострастных сатиров, без которых, как известно, не обходится ни одна приличная вакханалия.

Выпив за здоровье и процветание юбиляра, полковник предложил второй тост за прекрасных дам и маслено улыбнулся Иришке. Но мадемуазель французский ажан неожиданно воспротивилась.

– Тост за прекрасных дам – это очень прекрасно, – сказала она решительно. – Но я думаю, что второй тост надо поднять за еще более прекрасных сослуживцев генерала!

И, действительно, подняла свой бокал с вином – багровым, словно кровь, только что пущенная из жил.

Дряхлые воронцовские сослуживцы, услышав, что их называет прекрасными такая очаровательная юная барышня, необыкновенно оживились. После выхода на пенсию и утери административного влияния они подобных эпитетов не удостоивались вовсе. Самое лучшее, что мог услышать в свой адрес вышедший в тираж служака, так это неласковое прозвище «старый таракан», пущенное в обиход артистом эстрады Аркадием Райкиным.

А между тем всякий человек, пусть даже и трижды пенсионер, хочет думать, что он все еще молод и прекрасен. Вот поэтому предложение Иришки было принято с воодушевлением и даже с восторгом, и сопровождалось бодрими старческими восклицаниями: «За Комитет!»

Впрочем, здравицы и тосты были на банкете делом второстепенным. Все с нетерпением ждали, какая же награда будет вручена юбиляру от любезной его сердцу конторы, которой отдал он всю свою жизнь.

Поняв это, Андрейкин решил не томить почтеннейшую публику. Черт его знает, в каком состоянии наш юбиляр, если судить по виду – то совсем вялый. Может, он через пять минут и вовсе ласты склеит, куда, скажите, потом награду девать?

Полковник снова поднялся из-за стола и жестом попросил внимания. Пчелиное гудение в кабинете тут же стихло. Лицо полковника сделалось серьезным и торжественным.

– Я не зря вспомнил сегодня, что наш дорогой Сергей Сергеевич – одновременно и разведчик, и контрразведчик. Есть у нас такая медаль: «За заслуги в разведке». Есть у нас также и медаль «За заслуги в контрразведке». Мы тут с руководством долго думали, в какой из областей он проявил себя в большей степени и какую их двух медалей выбрать, чтобы вручить нашему юбиляру. И, знаете, так и не определились. И там, там заслуги его огромны. Поэтому давать любую из этих медалей было бы неправильно...

– Так что же – без медали генерала оставите? – маленький лысый ветеран лет восьмидесяти так рассердился, что стукнул кулаком по столу, испуганно задребезжали вилки.

Андрейкин поднял руку: минутку терпения, друзья!

– Итак, давать любую из этих медалей было бы неправильно, – повторил он со значением. – Точнее сказать, неправильно было бы давать одну из этих медалей. Поэтому руководство решило наградить генерал-майора Воронцова Сергей Сергеевича сразу двумя памятными медалями – «За заслуги в разведке» и «За заслуги в контрразведке»!

Он вытащил из кармана пиджака две коробочки. Генерал Воронцов поднялся со стула, и Андрейкин под аплодисменты собравшейся публики прикрепил ему на грудь обе медали...

* * *

– Медаль – это, конечно, хорошо, а две медали – в два раза лучше, – говорил Волин, вспоминая торжественное окончание банкета. – Вот, правда, время сейчас беспокойное, так что лучший подарок юбиляру – именной пистолет с полной коробкой патронов к нему.

– Во-первых, пистолет у меня уже есть, – проворчал Сергей Сергеевич. – Во-вторых, по нынешним временам надо не пистолет дарить, а гранатомет или даже реактивную систему залпового огня «Град». А лучше всего – межконтинентальную ракету.

Воронцов, Иришка и Волин сидели в старых плетеных креслах на даче у генерала, за окном сгустилась непроглядная зимняя ночь. Камин перед ними потрескивал дровами и отбрасывал желтые всполохи в темноту гостиной, придавая всей обстановке нечто совершенно новогоднее, то есть сказочное и удивительное.

– Вы как себя чувствуете? – спросил Волин, озабоченно поглядывая на генерала. – Может, вам валерьянки накапать?

– Нормально я себя чувствую, – ворчливо отвечал Воронцов, – даже взбодрился малость.

– Это очень хорошо, что взбодрился, – проговорила Иришка, загадочно улыбаясь. – Потому что у меня для вас тоже есть подарок.

– Да ты уж сделала подарок, жизнь мне спасла, – отвечал Воронцов, но, тем не менее, поглядел на барышню с любопытством.

– Это Волин вам спас, – сказала мадемуазель ажан, – а у меня отдельный подарок. Не ракета, конечно, и не граната даже, но тоже ничего.

С этими словами она вышла на минутку из гостиной в прихожую, а когда вернулась, в руках у нее была коробочка, украшенная золотисто-зеленым новогодним бантом. Поставив ее на журнальный столик перед генералом, мадемуазель Белью скромно отступила назад.

– Что там? – спросил генерал, поглядывая на Волина.

– Открывайте, – улыбнулся Волин.

Непослушными пальцами генерал развязал бант, разорвал упаковку. Снял крышку и замер. Из коробки на него смотрели знакомые ученические тетради. Несколько секунд он молчал, потом взял верхнюю тетрадь в руки, осторожно открыл. Погладил пальцами первую страницу – желтую, обветшавшую.

– Не может быть... – проговорил он тихо. – Откуда у тебя это?

Тут Иришке пришлось рассказать всю историю с мадам Ретель. Генерал только кивал, слушая ее.

– Что ж, – сказал он наконец, – чего только не бывает на свете. А фотографии ты дома оставила?

– Да, в Париже, – отвечала Иришка, – боялась, что на таможне конфискуют.

Старший следователь заметил, что ему одно непонятно: каким образом, фотографии из архива шахиншаха и дневники Загорского всплыли во Франции?

– Это как раз объяснить проще всего, – отвечал Сергей Сергеевич. – Очевидно, Загорский отыскал часть похищенного у шаха Насер ад-Дина фотоархива и хранил его на своей финской даче в Куоккале. Помните, он писал о ней в дневнике «Хроники преисподней»?

Волин и Иришка переглянулись – несмотря на возраст и болезнь, память у генерала оставалась необыкновенно ясной и цепкой.

– Туда же, в Куоккалу, скорее всего, отправил он и часть своих дневников, – продолжал Воронцов. – Какое-то время после революции дом стоял бесхозный и Загорский, вероятно, почел за лучшее его продать. Сам он попасть в Финляндию в то время не мог, и, возможно, попросил, чтобы его японская жена...

– Жена? – переспросила Иришка, которая по понятным обстоятельствам знала дневники Загорского хуже, чем генерал.

– Да, жена, – нетерпеливо повторил Сергей Сергеевич, – он про нее писал в своем японском дневнике. Так вот, Загорский, скорее всего, попросил свою жену, чтобы она вывезла все наиболее ценное – в первую очередь архив и дневники – к себе во Францию. После ее смерти наследники или просто люди, которым попал в руки архив, не понимая его ценности, поспешили от него избавиться. И вот теперь архив всплыл на блошином рынке и волею судеб его приобрела наша дорогая Ирина.

Он снова бережно коснулся тетрадного листа пальцами, положил тетрадь в коробку, откинулся в кресле и закрыл глаза. С минуту все молчали.

– У меня тоже для вас небольшой сюрприз, – проговорил генерал, не открывая глаз. – Я расшифровал последнюю тетрадь Загорского... Последнюю из тех, которая была у меня, – поправился он. – Хотите взглянуть?

Волин и Иришка переглянулись: что за вопрос? Конечно, они хотят.

Воронцов кивнул.

– В спальне на столе лежит синяя папка, – проговорил он. – Почитайте, а я пока отдохну немного. Что-то я сильно устал за последние дни...

Глава первая

Секрет государственной важности

«Старый дворецкий Артур Иванович Кишнер, не один год служивший у действительного статского советника Загорского, был человек бывалый и многое в жизни повидал. Строго говоря, был он не таким уж и старым, лет на десять моложе хозяина...»

– Не лет на десять, а ровно на десять лет, – обычно поправлял педантичный Артур Иванович, если уж речь о возрасте заходила в его присутствии. – Десять лет без одного месяца и трех дней, в этом деле, милостивые государи, не может быть никакой приблизительности.

Итак, несмотря на сравнительную молодость, Артур Иванович был человек бывалый и многое в жизни повидал.

– По-другому никак, – благосклонно объяснял он за чаепитием нестарой еще и весьма миловидной кухарке Варваре. – Его превосходительство – дипломат. То Париж, то Мадрид, а то и вовсе какая-нибудь Япония, не к ночи будь помянута; одним словом, вся жизнь как на качелях. Ну, а я – самый близкий ему человек и, значит, должен быть готов к любому повороту судьбы.

Тут, правду сказать, Артур Иванович немного отклонялся от истины. Если оставить в стороне некоторых дам, к которым у Загорского возникала естественная сердечная привязанность, самым близким Нестору Васильевичу человеком все-таки следовало считать его помощника Ганцзалина, который как раз и сопровождал того в его служебных странствиях по свету.

– Ну, Ганцзалин – особь статья, – не соглашался Кишнер. – Не хотелось бы никого обидеть, конечно, но он – китаец, человек желтой жизни и прищуренной к тому же. А я имею в виду – среди настоящих, то есть русских, православных людей ближе меня к Нестору Васильевичу нет никого...

Здесь, впрочем, тоже выходила путаница. Назвать Кишнера русским и православным не поворачивался язык. Артур Иванович, хоть и родился в России, однако был чистокровным немцем, да к тому же еще и лютеранином. Правда, на это ему никто указывать не решался, а потому так оно и получалось, что, по расчетам самого Кишнера, был он самым близким к действительному статскому советнику человеком.

И вот теперь этот самый близкий стоял на пороге хозяйского кабинета и исправно пучил в академический интерьер свои честные немецкие глаза.

В обустройстве дома Нестор Васильевич проявлял здоровый консерватизм, и обстановка кабинета годами никак почти не менялась: дубовый письменный стол, лампа под шелковым абажуром, на котором вышиты были сцены из китайского эпоса «Троецарствие», чернильница, стакан с остро очиненными карандашами, толстая стопка писчей бумаги и пухлый кожаный блокнот. Тут же стоял бежевый диван, на котором одинаково удобно было как сидеть, так и спать, и пара бежевых же кресел. По стенам уходили в потолок высокие книжные шкафы с бесчисленными томами; чаще всего встречались тут книги на английском и китайском языках. Правда, в последние пару лет в кабинете появился выделенный угол, где располагалась химическая лаборатория – в остальном же все было, как и в прежние годы.

– К его превосходительству посетитель с визитом, – проговорил Кишнер в спину хозяина, который как раз сидел над переводом знаменитого текста «Семь извлечений из облачного книгохранилища». Это был старинный компендиум даосского канона, известного всему миру как «Дао цзан». Синологи относили «Семь извлечений» к эпохе Сун, и Загорскому показалось соблазнительным поупражняться в освоении трактата, от которого отделяла нас без малого тысяча лет. Накануне Нестор Васильевич был в Императорской публичной библиотеке и сво-

ими собственными руками переписал начало книги, чтобы дома спокойно заняться ее переводом.

– Посетитель... Что за посетитель? – рассеянно переспросил действительный статский советник, не отрываясь от толстенного китайско-русского словаря.

– С визитом, – механически повторил Артур Иванович.

Нестор Васильевич поднял, наконец, взгляд от иероглифов и повернулся к дворецкому. Вид у того был такой, как будто это именно его заставили разгадывать многовековую китайскую премудрость – и притом без всякого с его стороны желания.

– Ну, и кто же так жаждет лицезреть мою скромную персону? – нетерпеливо осведомился Загорский.

– Осмелюсь доложить – Ганцалин, – после некоторой паузы отвечал Кишнер.

Тут настало время удивиться и самому Нестору Васильевичу. Тридцать с лишним лет он не мог научить китайца стучать, прежде чем войти в комнату, а тут вдруг Ганцалин заранее уведомляет о своем визите через дворецкого.

– Не сошел ли, случаем, с ума наш добрый друг? – озабоченно осведомился действительный статский советник.

Ответить на этот вопрос со всей определенностью Кишнер не мог. С его точки зрения, китайский помощник Загорского был умалишенным от рождения, просто очень ловко это скрывал.

– Ладно, проси, – решил Нестор Васильевич. – Однако на всякий случай держись от него подальше.

Кишнер кивнул и вышел вон. Спустя полминуты раздался размеренный стук каблучков, по звуку несколько похожий на церемониальный шаг, каким на парадах ходят императорские гвардейцы, и в кабинет прошествовал Ганцалин. Желтая его, словно медом намазанная, физиономия имела вид напыщенный и даже патетический, однако косые глаза хитро сверкали.

– Ну, – проговорил Загорский, – что стряслось? Чего вдруг пришло тебе в голову наносить мне официальные визиты?

Несколько секунд китаец молчал, и было видно, что его прямо распирает от торжественности момента. Потом необыкновенно противным, по мнению Нестора Васильевича, голосом он произнес сакраментальную фразу.

– Пора нам, хозяин, жениться!

Позже помощник заявлял, что голос его был вовсе не противным, а наоборот, величественным – и то был не просто голос, но глас судьбы. Так или иначе, услышав столь своеобразное предложение, Загорский поглядел на китайца с удивлением.

– Что значит – нам пора? Позволь узнать, кому это – нам?

Помощник с охотой объяснил, что «нам» – это значит ему, Загорскому, ну, и Ганцалину, конечно, тоже. Им ведь уже без малого по шестьдесят лет, а если на двоих посчитать – то и все сто двадцать наберется. Самое выходит время жениться солидным мужчинам. Что касается Ганцалина, то он уже присмотрел себе хорошую девушку на прогулке в парке...

– И что это за девушка? – с интересом спросил Нестор Васильевич.

Девушка, судя по всему, была горничной в богатом доме.

– Что значит – судя по всему? – перебил помощника хозяин. – Ты что же, не знаешь даже, чем она занимается? Может быть, ты и имени ее не знаешь?

Ганцалин назидательно отвечал, что не имя красит барышню, а наоборот, и что с лица воды не пить – был бы человек хороший. А что до имени, то его узнать очень легко: стоит только познакомиться с будущей женой – вот вам и имя, и все остальное...

– Постой-постой, – прервал его Загорский, поднимаясь со стула и окидывая помощника внимательным взглядом. – Я, кажется, догадался: ты пьян. Или побывал в курильне. Боже мой,

Ганцалин, ведь я просил тебя не употреблять эту гадость. Вспомни, сколько твоих соотечественников были ей погублены окончательно и бесповоротно!

Оскорбленный помощник отвечал, что никакой гадости он не употреблял, а просто решил, что настало время упорядочить их жизнь и гармонизировать ее в соответствии с естественным ходом вещей. Все мужчины женятся, пора и им вступить в эту реку. Ганцалин, между прочим, не только о себе подумал, но и о хозяине.

– Тоже присмотрел мне какую-нибудь безымянную горничную? – фыркнул Загорский. – Благодарствую, я как-нибудь так, доживу век бобылем.

Помощник отвечал с легкой обидой, что хозяин, видно, совсем его не знает, раз думает, что тот способен женить его на горничной. Нет-нет, заслуги действительного статского советника перед отчизной таковы, что его полагалось бы женить не меньше, чем на императрице. Однако матушка императрица Мария Федоровна, пожалуй, что старовата будет для господина, а Александра Федоровна – замужем за государем-императором. Если бы об этом деле узнал Конфуций, он бы наверняка сказал, что нехорошо отбивать жену у венценосца...

– Будь добр, уволь меня от твоих диких фантазий, это нисколько не смешно, – Загорский явно был не настроен дискутировать на matrimониальные темы.

Но Ганцалина не так-то просто было сбить с настроения, если на него, как он сам говорил, нашел стих.

– Вы дослушайте сначала, – сказал он хмуро, – я ведь вам добра желаю.

Нестор Васильевич отвечал, что именно с этой фразы обычно начинаются самые невозможные пакости, так что слушать он ничего не станет, а снова займется переводом. Ганцалин же, во избежание новых глупостей с его стороны, пусть немедленно отправляется...

– Лисицкая! – выкрикнул китаец, поняв, что если не перехватить инициативу, хозяин тут же и ушлет его прочь.

Загорский осекся и посмотрел на помощника настороженно: что – Лисицкая? Ганцалин важно отвечал, что балерина Светлана Александровна Лисицкая будет ему отличной женой.

– Если бы я хотел жениться на Лисицкой, я бы сделал это гораздо раньше, – хмуро заметил Нестор Васильевич. – Ты вообще почему ее вспомнил? Ты, может быть, встретил ее на улице или она тебя встретила? Между вами был какой-то разговор?

Никакого разговора между ними, разумеется, не было, а в отсутствие господина – и быть не могло. А вспомнил Ганцалин Лисицкую только потому, что она, на его взгляд, лучше кого бы то ни было подходит Загорскому в качестве жены. Добрая, милая, терпеливая, красивая – и к тому же балерина. С такой не стыдно и к папе Римскому на прием явиться.

Загорский, услышав такой оригинальный пассаж, язвительно заметил, что папа Римский – монах, и балеринами не интересуется.

– И очень глупо с его стороны, – прокомментировал помощник. – Я думаю, ему просто хорошие балерины не встречались.

Действительный статский советник поморщился: пошлости совершенно не красят Ганцалина. Римский понтифик – фигура, чрезвычайно важная как в духовном, так и в политическом смысле. Это вам не чань-буддийские бонзы, которых хлебом не корми – дай обломать палку о спину ученика. Шутить насчет папы – это весьма дурной тон, и он, Загорский, желал бы, чтобы впредь ничего подобного Ганцалин себе не позволял...

– Да пес с ним, с папой, – перебил его Ганцалин, – папа к слову пришелся. Но все люди нашего круга живут с балеринами. Чем вы-то хуже?

– Все люди нашего круга? – прищурился Нестор Васильевич. – Позволь узнать, друг любезный, кого ты имеешь в виду?

Кого он имеет в виду? Да вот, пожалуйста! И помощник с большим воодушевлением принялся загибать желтые свои пальцы. Во-первых, его императорское величество Павел Первый. Во-вторых, государь император Николай Первый. В-третьих, еще один государь – Алек-

сандр Второй. И это не говоря уже про царствующего монарха Николая Второго. Как известно, все вышеупомянутые венценосцы неровно дышали к балеринам...

Ошеломленный такой диковинной арифметикой Загорский открыл было рот, чтобы подввергнуть Ганцзалина жесточайшему разносу, но тут зазвонил телефон. Бросив на помощника уничтожающий взгляд, Нестор Васильевич взял трубку.

На том конце провода был его патрон, тайный советник С.

– Рад слышать вас, Николай Гаврилович, – сердечно поприветствовал его Загорский.

Звонок от старого царедворца означал, что предстоит очередное расследование, и скорее всего – по дипломатической части. Однако по первым же словам стало ясно, что дело далеко не очередное, что случилось что-то неладное. Да что там неладное – очевидно, произошло нечто из ряда вон выходящее!

– Дорогой Нестор Васильевич, – каким-то сдавленным голосом проговорил патрон, – я вас очень прошу, приезжайте ко мне, приезжайте немедленно...

Спустя полчаса Загорский уже взбегал по ступенькам дома тайного советника.

Незнакомый лакей с военной выправкой провел его в гостиную. Загорскому хватило пары быстрых взглядов, чтобы понять, что в доме царит жесточайший хаос и нестроение. Нет, внешне все было, как обычно, парадные портреты предков по-прежнему висели на стенах, а вещи аккуратно стояли на положенных местах, но при этом чудилось, будто шерсть на них вздыблена, как на перепуганных котах. Разумеется, никакой шерсти на предметах обстановки не было и быть не могло, но, воля ваша, ощущение складывалось именно такое.

И уж совершенно точно шерсть стояла дыбом на самом хозяине дома – точнее, то, что от этой шерсти осталось. К преклонным своим годам тайный советник почти лишился волос на темени и обзавелся благообразной лысиной, которая, впрочем, ничуть не искажала его естественного облика: он по-прежнему выглядел грозно, когда хотел быть грозным, и очаровательно – когда нужно было кого-то очаровать. Очарованию этому не мешал ни слишком внушительный нос, нависший над подбородком, ни суровые карие глаза, ни даже некоторая избыточность в теле, образовавшаяся с возрастом.

Сейчас, впрочем, патрон не был ни грозен, ни очарователен, он был очевидно потрясен и потрясен до глубины души. Более того, вид у него был бледный и растерзанный, его покинула всегдашняя его энергия, он словно бы утонул в креслах и даже не пытался подняться навстречу гостю.

– Что с вами, Николай Гаврилович? – спросил Нестор Васильевич озабоченно. – Вы нездоровы?

Даосская выучка, которой он подвергся в молодости, когда жил в Китае, позволяла ему без всякого сомнения презреть любые внешние условности и сразу перейти к делу.

Как говорил, кажется, наставник всех дабсов Лао-цзы, когда в мире исчезает дао-путь, остается еще благодать-дэ; когда исчезает благодать-дэ, остается ритуал-ли; когда исчезает ритуал-ли, не остается ничего. Таким образом, ритуал или, говоря по-русски, правила приличия, при всей их важности серьезно уступали по значению благодати, не говоря уже о пути или, точнее, истине. Исходя из этого Загорский полагал, что, если обстоятельства требуют, любые внешние приличия можно отбросить ради обретения истины.

– Новомодная болезнь, гипертонический криз⁴, – слабым голосом отвечал его превосходительство. – Кажется, так это доктор назвал.

Брови Загорского поползли вверх.

– Как вас угораздило? Что говорят врачи?

⁴ Термин «гипертонический криз» в медицинский обиход впервые ввел в 1903 году австрийский врач Пал Якоб.

Тайный советник махнул рукой: сейчас это не так важно. Важнее история, которая предшествовала этой прискорбной неприятности. История же, по словам Николая Гавриловича, была банальной до отвращения.

– У вашего покорного слуги похитили секретные дипломатические бумаги.

Загорский нахмурился.

– Вы хранили их дома?

Нет, разумеется, его превосходительство не хранил секретные бумаги дома, однако их пришлось ненадолго вывезти из министерства иностранных дел. Дело было так.

Министерство и лично тайный советник работали над окончательной редакцией одного международного договора. Когда документ был готов, его с фельдъегерской почтой отправили к государю – на высочайшее утверждение. Вместе с договором императору было направлено сопроводительное письмо тайного советника. Оно вкратце объясняло суть дела и указывало на особенно важные места, в частности, трактовало секретный раздел соглашения, который не должен был публиковаться ни при каких обстоятельствах.

Государь-император изучил документы, но, прежде чем поставить под окончательной редакцией договора подпись, затребовал к себе тайного советника – для уточнения некоторых деталей.

Николай Гаврилович незамедлительно явился во дворец.

Государь тепло принял старого царедворца, которого отличал еще его отец, император Александр III, расспросил о службе, о детях, после чего все неясности договора были уточнены в кратчайший срок. Затем и сопроводительное письмо, и сам договор снова были положены в конверты и запечатаны печатями собственной Его Императорского Величества канцелярии, после чего должны были отправиться фельдъегерской почтой обратно в министерство. Но...

– Но? – переспросил Загорский.

Но не отправились.

– Почему? – любопытствовал действительный статский советник.

– Так вышло, – с некоторым раздражением отвечал патрон.

– Боюсь, такой ответ не покажется удовлетворительным никому, и в первую очередь – самому государю, – после некоторой паузы заметил Нестор Васильевич.

Тайный советник недовольно фыркнул, но все-таки объяснил, что после запечатывания государь лично передал ему оба конверта – с договором и с сопроводительным письмом. Было бы странно идти с ними в канцелярию и требовать, чтобы теперь их послали фельдъегерской почтой.

– Да и нет у меня таких полномочий, – сердито завершил свой монолог его превосходительство.

– Одним словом, вы взяли оба конверта и отправились с ними в министерство? – Загорский глядел на патрона, не мигая.

– Нет, – сварливо отвечал тот. – Я взял конверты, положил их в портфель и отправился домой – пообедать. Дело в том, что из-за разговора с государем я пропустил время обеда. Как вы знаете, желудок у меня больной, и если вовремя не пообедать, до ужина дело может вообще не дойти. Поэтому перед тем, как ехать в министерство, я решил заехать домой.

Завершив обед, тайный советник взял портфель с бумагами и поехал в министерство, чтобы оставить его в сейфе. Однако, перед тем, как спрятать портфель в сейф, он заглянул в него – и не обнаружил там ни конверта с сопроводительным письмом, ни конверта с договором.

– Ошибки быть не могло? – быстро спросил Загорский. – Может быть, вы выложили документы дома?

Тайный советник покачал головой: служебные бумаги из портфеля он выкладывает только в министерстве, эта привычка доведена им до автоматизма.

– Возможно, вы оставили их у государя?

Тоже нет. Он отлично помнит, как государь после запечатывания конвертов передает ему их в руки один за другим, и тот укладывает их в папку, а затем – в портфель.

– Таким образом, единственным местом, где я выпускал портфель с договором из рук, оказался мой дом, – заключил тайный советник.

Загорский, слушая рассказ патрона, хмурился все сильнее.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Вы обнаружили пропажу. Что было дальше?

– Дальше я немедленно поехал домой, полагая, что конверты могли каким-то образом выпасть из расстегнувшегося портфеля и до сих пор лежат у меня дома. Пока я ехал, передо мной возникали самые неприятные картины: гнев самодержца, служебное расследование, отстранение от обязанностей, уголовное дело. Мозг мой закипал все сильнее и сильнее. Одним словом, когда я вошел в дом, со мной случился приступ, как раз этот самый гипертонический криз, о котором говорят доктора. После этого я три дня лежал, как бревно, и пришел в себя только сегодня.

По приказу тайного советника прислуга перерыла весь дом, но никаких конвертов не обнаружила. Поняв, что договор пропал окончательно и бесповоротно, патрон решил обратиться за помощью к Загорскому.

Тут тайный советник замолчал и возникла некоторая пауза. Нестор Васильевич терпеливо ждал.

– Вы, наверное, хотите узнать содержание бумаг? – наконец хмуро спросил Николай Гаврилович.

Действительный статский советник пожал плечами: как будет угодно его превосходительству. Если это тайна, то, конечно...

– Это тайна, – строго проговорил хозяин дома. – Но вам, не зная этой тайны, заниматься розыском будет затруднительно. Не говоря уже о том, что вам я доверяю, как самому себе, а, учитывая нынешние события, пожалуй, даже и больше. Поэтому скажу в двух словах. Украденные документы относятся к готовящемуся соглашению между Россией и Японией. Договор этот касается раздела Азии и Дальнего Востока между нами и Страной восходящего солнца. По сути своей он антиамериканский, но, как легко догадаться, в нем также оказываются задеты интересы и некоторых наших европейских союзников. Собственно, само соглашение вполне ординарное, подобные договора раз в несколько лет мы подписываем с разными державами. Однако... – тут его превосходительство со значением поднял палец вверх, – как я уже говорил, соглашение это содержит секретный раздел, который не должен быть опубликован ни при каких обстоятельствах. И если тайный раздел станет достоянием общественности после подписания нами договора с Японией...

Тут голос патрона пресекся, как будто на этой, сравнительно небольшой, тираде он выдохся окончательно. На собеседника он старался не глядеть.

– Н-да, история неприятная... – озабоченно проговорил Нестор Васильевич.

– Особенно неприятно она выглядит, если вспомнить о скорой встрече государя императора и кайзера Вильгельма в Потсдаме, – заметил тайный советник. Вид у него был подавленный.

– Встреча касательно договора с Германией о персидских железнодорожных концессиях? – уточнил Загорский.

– Именно так, – кивнул С. – Казалось бы, никакой связи нет, но уверяю вас, если секретный раздел договора с японцами выплывет наружу, мы рассоримся с половиной Европы, а уж Соединенные Штаты и подавно станут нашим заклятым врагом. Более того, возникнет вероятность большой войны. Вот почему найти и вернуть эти документы нужно как можно скорее...

– А что по этому поводу думает русская контрразведка? – полюбопытствовал действительный статский советник.

Оказалось, контрразведка по этому поводу не думает вообще ничего. Она просто еще не знает о краже бумаг. Как, впрочем, не знают об этом и коллеги тайного советника из министерства иностранных дел.

Нестор Васильевич поднял брови. Не знают даже коллеги? Однако его превосходительство сильно рискует, скрывая такое важное происшествие!

– Я рискую, – согласился патрон, – и вы сейчас поймете, почему.

Он неловко потянул из кармана небольшой почтовый конверт, едва не уронил его на пол, но все-таки совладал с собой и протянул его Загорскому. Руки тайного советника чуть заметно дрожали.

– Читайте, – велел он.

Нестор Васильевич открыл конверт, вытащил оттуда и развернул белый лист, покрытый быстрым нервным почерком. Он начал было читать, но прервался и посмотрел на патрона.

– Насколько я вижу, это личное послание, – со значением заметил Загорский.

Тайный советник кивнул: да, личное. Это письмо от его сына Платона Николаевича.

– Читайте, – повторил он.

Письмо было совсем короткое.

«Дорогой отец, – гласило оно, – я вынужден срочно уехать по делам. Не беспокойтесь и не ищите меня, даст Бог, вскорости вернусь. Ваш Платон».

– Даст Бог, он вернется! – повторил патрон с непередаваемым выражением. Было видно, что несмотря на слабость, его распирает от гнева. – Подумайте только, какой слог! Просто елей на отцовское сердце. Он бы еще прямо указал, что собирается покончить жизнь самоубийством...

Он закусил губу и с полминуты молчал, пытаясь успокоиться.

– Когда нашли письмо? – спросил Загорский, задумчиво вертя в руках конверт.

– Сегодня.

– А когда исчез ваш сын?

– Три дня назад после обеда. С этого времени никто из домочадцев его не видел.

И тайный советник мрачно уставился на Нестора Васильевича.

– Сами видите, не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять связь между двумя этими событиями. Вот потому-то ни в министерстве, ни в контрразведке пока ничего не знают о пропаже бумаг.

Загорский заметил, что руки старого дипломата дрожат, и дрожь эта усиливается с каждым мгновением.

– Николай Гаврилович, во-первых, прошу вас успокоиться и не впадать в отчаяние, – сказал он. – В противном случае с вами приключится что-нибудь посерьезнее этого вашего криза.

– Вам хорошо говорить, это не ваш сын сбежал с секретными документами неизвестно куда, – буркнул тайный советник.

Загорский на это отвечал, что Платон Николаевич – не иголка в стоге сена, а весьма заметный молодой человек, и отыскать его будет легче, чем может показаться.

– Как вы думаете, для чего ему могли понадобиться секретные бумаги? – поинтересовался он как бы между делом.

Николай Гаврилович отвечал, что именно это больше всего на свете он сейчас хотел бы знать. Однако, увы, отец он плохой и жизнью сына должным образом не интересовался. Точнее, за государственными делами у него просто не было на это времени. Он вырастил Платона, дал образование – но все это происходило без его непосредственного отцовского участия.

– Все мое воспитание ограничивалось тем, что я целовал его в голову перед сном, – продолжал тайный советник. – И Платоном, и Катюшей занималась мать. Но Катя выросла сущим ангелом и утешением мне на старости лет, а Платон – сорванцом, при том худшей разновид-

ности, то есть сорванцом скрытным. Скрытность эта и склонность к безобразиям с возрастом только усилились. Не буду вам тут расписывать его подвиги, из которых пьяные кутежи – вещь самая безобидная, однако подозреваю, что мать его сошла в могилу раньше времени именно из-за его бесчинств.

К службе Платон Николаевич оказался категорически неспособен, и после нескольких особенно безобразных выходов, когда Николаю Гавриловичу пришлось употребить все свое влияние, чтобы дело обошлось без последствий, он решил отправить сына в имение, в деревню. Однако там Платон стал попросту сходить с ума – так что управляющий каждую неделю слал тайному советнику панические письма и даже угрожал оставить место. Тогда отец по зрелом размышлении решил вернуть блудного сына назад, в столицу, чтобы тот, по крайней мере, все время был перед глазами.

Вернувшись в Санкт-Петербург, Платон Николаевич на некоторое время затих, но мир и в человецех благоволение длились недолго. Сын проявил неожиданный интерес к загранице...

– Это случилось внезапно? – действительный статский советник глядел на патрона с интересом.

– В первый раз отправился просто развеяться, но потом стал ездить с завидной регулярностью, – проворчал Николай Гаврилович. – Я не возражал, хотя он всякий раз брал у меня значительные суммы. В последние две поездки я даже вынужден был его серьезно ограничить. Тем не менее, это не поменяло его планов, он продолжал ездить в Европу, а возвращался с пустыми карманами.

– Вас это не насторожило?

Разумеется, насторожило. Однако отец полагал, что Платон просто увлекся какой-нибудь французской или итальянской вертихвосткой, и дело так или иначе разрешится само собой. Но дело, как видим, только усугубилось. К сожалению, по-настоящему об этом тайный советник задумался только сегодня. А, задумавшись, вспомнил об одной несчастной страсти своего сына: он очень любил карточные игры. Играл, разумеется, на деньги и часто проигрывался. Когда об этом узнал Николай Гаврилович, он пригрозил лишить его наследства, и так напугал, что тот клятвенно пообещал больше никогда не садиться за игру.

– Вот вам и ответ, зачем он ездил в Европу, – заметил Загорский. – Здесь он играть боялся, а за пределы России ваше всевидящее око не достигало.

Патрон поморщился, как от зубной боли. Увы, он слишком был занят государственными делами и слишком мало интересовался жизнью сына, которого считал взрослым человеком. И вот, наконец, пришла расплата.

С минуту оба молчали, каждый думал о чем-то своем. Потом Нестор Васильевич взглянул на тайного советника.

– Денег вы ему не давали, но за границу Платон Николаевич все равно ездил. Он ведь, насколько я знаю, нигде не служил, откуда же он брал средства на поездки?

Тайный советник нахмурился: об этом он как-то не подумал. Возможно, у сына был запас, он отложил из того, что ему давали раньше... Загорский с сомнением покачал головой: похоже, делать запасы – вовсе не в характере Платона Николаевича. Может быть, брал у друзей?

Тут уже пришел черед сомневаться тайному советнику. Сын его был человек неуживчивый, друзей практически не имел, а случайные приятели по кутежам вряд ли могли ссудить ему сколько-нибудь значительную сумму.

– А в каких отношениях он с сестрой?

В каких отношениях? Его превосходительство задумался на миг, потом пожал плечами. Пожалуй, Катюша – единственный человек, которого любит и которому доверяет непутевый брат. Да ведь Загорский знаком с ней и знает, что не любить ее невозможно! Как уже было сказано, она – сущий ангел.

– Совершенно с вами согласен, – кивнул Нестор Васильевич, – а посему давайте-ка поговорим с нашим ангелом. Очень может быть, что она расскажет нам что-нибудь интересное. Единственное, хотел бы уточнить, знает ли Екатерина Николаевна о пропаже секретных документов?

– Нет, – решительно отвечал тайный советник, – я ничего ей не говорил. Об этом знаем только мы с вами, и я бы не хотел, чтобы круг посвященных в эту историю расширился.

– Он не расширится, – успокоил его Загорский, – разве что в этом возникнет крайняя необходимость. Ну, а теперь самое время пригласить вашу дочь.

К счастью, Катюша все утро никуда не отлучалась и была у себя в комнате. Спустя минуту она явилась в сопровождении лакея, который, впрочем, немедленно растворился в воздухе.

Дочь тайного советника Екатерина Николаевна была барышня на выданье – ей только только исполнилось двадцать два года. Невысокий рост, хрупкое сложение, русые волосы, кроткий нрав, голубой беззащитный взгляд – это был если и не ангел в натуральную величину, то, по крайней мере, уменьшенная копия херувима. Несмотря на ординарную, в общем, внешность, претендентов на ее руку и сердце было предостаточно. Отчасти это объяснялось ее характером, который располагал к себе с первого слова, отчасти – наличием богатого и влиятельного отца. Однако сама Екатерина Николаевна, судя по всему, замуж вовсе не спешила. Да и Николай Гаврилович не торопился расстаться с единственной дочерью, которая поистине была его отрадой и украшением закатных лет.

Увидев в гостиной Загорского, Катюша зарделась, но глаз не опустила и присела в реверансе. Загорский поднялся из кресла, улыбнулся и галантно поклонился барышне.

– Составь нам компанию, – попросил ее отец, – нам с господином Загорским нужно у тебя кое-что узнать.

– С удовольствием, – отвечала девушка. – Нестор Васильевич знает, что в нашем доме он – всегда желанный гость.

Загорский шутливо поднял ладони, всем своим видом показывая, что не заслужил такой чести, но тут же, впрочем, сделал серьезное лицо. Екатерина Николаевна наверняка знает, что вчера вечером ее брат исчез из дома?

Екатерина Николаевна это знала.

А не знает ли, случайно, Екатерина Николаевна, куда именно он мог направиться? Барышня, помедлив самую малость, отвечала, что этого она знать не может, брат ей ничего не говорил.

– Вот как, – озадаченно молвил Нестор Васильевич и ненадолго умолк.

Впрочем, молчал он не просто так. Он незаметно, но крайне внимательно оглядывал барышню. Та была одета в очаровательное голубое платье, которое выгодно гармонировало с цветом ее глаз. Однако искусенному взору Загорского сразу показалось, что в облике девушки чего-то недостает. Хотя Катерина Николаевна была девушкой скромной, но он, однако же, знал ее за большую модницу. Всякий раз, когда он приезжал в гости, она старалась принарядиться, как будто для выхода в свет – в ход шли даже драгоценности. Загорский это замечал, но никаких далеко идущих выводов из этого не делал: дело обычное, юная барышня хочет нравиться всему миру. Однако в этот раз никаких украшений на ней не было. Загорскому это показалось несколько странным.

– Прекрасное платье, – с восхищением заметил Нестор Васильевич, – оно очень вам идет.

Катюша вновь слегка покраснела, а отец ее поглядел на него с легким удивлением: действительный статский советник явился затем, чтобы делать комплименты его дочери?

– Позвольте заметить, что вы одеты в соответствии с последними западными веяниями, – продолжал Загорский как ни в чем не бывало. – Вы слышали, Николай Гаврилович, что удумали европейские модницы?

Тайный советник, который в последний раз модой интересовался, вероятно, лет пятьдесят назад, только закричал в ответ.

– Они решили не носить украшений! – Загорский произнес это так торжественно, как будто модницы европейские по меньшей мере опровергли вращение Земли вокруг Солнца.

– Как – совсем не носят? – удивился Николай Гаврилович.

– Совсем, – отвечал Нестор Васильевич. – И знаете, что на них так подействовало?

Тайный советник, как легко догадаться, не знал.

– Социальные идеи господ Маркса и Энгельса, – объяснил Загорский. – Украшения и драгоценности стоят больших денег, а, значит, требуют эксплуатации либо крестьян, либо рабочих. Что с точки зрения новых социальных теорий совершенно недопустимо. Таким образом, носить украшения означает поддерживать эксплуататоров. Именно поэтому в Европе нынче отказываются от украшений.

– Что за глупости! – рассердился тайный советник. – Какие еще теории, какая эксплуатация? Катюша, неужели и тебе забили голову этой социалистической ерундой?!

Катюша бросила на Загорского тревожный взгляд.

– Ну, что до меня, то я не вижу в этом ничего дурного, – вступился за барышню Нестор Васильевич. – Я полагаю, женщина имеет право одеваться так, как она хочет.

– Разумеется, – пожал плечами тайный советник. – Однако есть же приличия. Завтра бал у князя Волконского, Катюша, насколько я знаю, собиралась туда. Надеюсь, на бал моя дочь отправится одетой как должно, а не так, как желали этого господа Маркс и Энгельс.

– Прекрасно, – кивнул Загорский, – я и сам собирался завтра повидать Сергея Михайловича⁵. Мне нужен его совет. Давно не был в театре, хочу узнать, какие из новых спектаклей стоило бы посетить.

– Ну да, князь же был директором Императорских театров, у кого еще и спрашивать совета, как не у него, – согласился Николай Гаврилович.

– В таком случае, Катерина Николаевна, увидимся у Волконских. И кроме того, обещайте мне мазурку на завтрашнем балу, – улыбнулся Нестор Васильевич.

Губы у Катюши задрожали.

– Я... – начала она. – У меня... Я, наверное, не смогу быть в доме у Волконского завтра. Она стиснула зубы и с каким-то ужасом смотрела теперь на Загорского.

– Не пойдешь на бал? – удивился тайный советник. – Да что с тобой такое? Что происходит?! Нестор Васильевич, вы что-нибудь понимаете?

– Кажется, да, – вид у Загорского сделался озабоченным. – С вашего позволения, Николай Гаврилович, я похищаю вашу дочь. Ненадолго, всего на несколько минут.

С этими словами он наклонился к барышне и ласково коснулся ее плеча. Она замерла на миг, словно прислушиваясь к этому касанию.

– Ничего не бойтесь, я сумею вас защитить, – шепнул Нестор Васильевич.

Спустя минуту они с Катюшей сидели в ее девической светелке.

– Итак, вы не идете на бал, – сочувственно произнес Загорский. – И что же тому причиной?

Катерина Николаевна отвела глаза. Она не может, потому что... ну, просто не может.

– Но почему? Если случилась какая-то неприятность, скажите мне, я сделаю все, чтобы вам помочь.

– Нет-нет, – сказала она со страхом, – даже вы тут ничем не поможете.

С полминуты, наверное, они сидели молча. Наконец Нестор Васильевич мягко сказал.

⁵ Князь Сергей Михайлович Волконский (4 [16] мая 1860, Шлосс-Фалль, Эстляндская губерния – 25 октября 1937, Хот-Спрингс, Вирджиния, США) – русский театральный деятель, режиссёр, критик, мемуарист, литератор; камергер, статский советник.

– Дорогая Катерина Николаевна! Я уверен, что вы не способны задумать и, тем более, сделать что-то плохое. Но со стороны может показаться, что у вас на душе какой-то тяжелый груз. Я призываю вас быть со мной совершенно откровенной. Я обещаю, что ни слова из того, что вы мне скажете, не станет известно ни одной живой душе.

– И даже папеньке? – она глядела на него умоляюще.

– И даже папеньке.

Еще с полминуты она сидела молча, потом все-таки решилась и заговорила. Голубые глаза ее, глядевшие прямо в лицо Загорскому, блестели от волнения.

– Нестор Васильевич, мне ужасно жалко папеньку. Но ей же Богу, я ни в чем не виновата! У меня... у меня больше нет моих драгоценностей.

– Куда же они делись? – спросил Нестор Васильевич, как будто ничуть не удивившись.

Она жалобно посмотрела на него.

– Их... их украли, – с некоторой запинкой отвечала Катюша.

– Давно?

– Да... То есть нет. Я не знаю... – прошептала она, и, кажется, приготовилась заплакать. Но тут уже Загорский взял дело в свои руки.

– Дорогая Катерина Николаевна, вы совершенно не умеете лгать, – сказал он с легкой укоризной. – Позвольте сказать, что у вас это совсем не получается. На женщин возводят много напраслины, в частности, утверждают, что они прирожденные лгуны. Разрешите заметить вам, что это далеко не так. Искусство обмана у женщин держится на внутренней убежденности в своей правоте. Однако, кроме субъективного ощущения, существует еще и объективная мера истинности тех или иных слов.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она, глядя на него с некоторым страхом.

– Я хочу сказать, что, учитывая, как охраняется ваш дом, проникнуть сюда постороннему и, тем более, украсть отсюда что-то крайне затруднительно. Это первое. А второе – если бы украшения и в самом деле у вас украли, вы непременно сказали бы об этом отцу. Но вы не сказали, следовательно, тут что-то другое. Если вам трудно говорить об этом, я могу сказать сам.

Она смотрела на него снизу вверх полными слез глазами.

– Здесь нет никакой вашей вины, – мягко проговорил Нестор Васильевич. – Просто вы очень добрый и любящий человек.

Она затрепетала:

– Вы думаете, я кому-то их сама отдала?

– Не кому-то, а родному брату, – уточнил Загорский. – Судя по всему, он не просто так ездил в Европу, он ездил играть в казино. Увы, всякий раз он проигрывался вчистую. В конце концов отец отказал ему в деньгах, но страсть к игре часто бывает сильнее человека. Она сильнее чести, верности, любви... Проигравшись в очередной раз, Платон Николаевич обратился к вам. Денег у вас было немного, но вы отдали ему свои драгоценности. Правда, не сразу. Наверняка вы уговаривали его бросить эту опасную затею и больше никогда не играть. Но он не мог бросить, это было выше его сил. Скорее всего, он говорил вам что-то о долге чести, о том, что теперь-то он непременно отыграется, потому что открыл правильную систему – словом, врал безостановочно и изобретательно. И вы не смогли ему отказать.

Барышня слушала это монолог с болезненным выражением на лице и, наконец, не выдержав, горько заплакала.

– Но зачем, зачем ему это, я не понимаю? – голубые глаза ее глядели на Загорского печально и растерянно. – И не понимаю, зачем он уезжал в Европу, ведь играть можно и тут.

Действительный статский советник отвечал, что в Европу он уезжал, чтобы быть подальше от отца. Начни он играть тут, об этом сразу донесли бы тайному советнику. Николай

Гаврилович уже обещал лишить сына наследства, если тот возьмется за старое. Платон Николаевич просто боялся отцовского гнева и хотел быть подальше от него.

– Но к чему ему эта игра, у него ведь и так все было, – пролепетала Катюша. – Отец никогда не отказывал ему в деньгах...

– Затем, что в игорный дом идут не ради денег, – отвечал Нестор Васильевич. – Точнее, не только ради денег. Игровой азарт – сродни заразной болезни, это страшный яд, который быстро пропитывает мозг человека, каждый его нерв, каждую клеточку тела – и делает игрока зависимым. Это тяга, ведущая прямым ходом в преисподнюю и преодолеть ее почти невозможно. В девяти случаях из десяти это кончается весьма печально. Вы хотели, как лучше, но отдав брату свои драгоценности, вы, сами того не желая, подвергли его огромной опасности.

Барышня заломила руки.

– Но что же теперь делать?

– Не волнуйтесь, все поправимо, – успокаивающе отвечал Загорский. – Однако мне от вас потребуется кое-какая помощь. Во-первых, начнем с того, что казино в Европе не так уж мало, и я не могу обшарить их все. Вы знаете, куда он поехал точно?

Она колебалась всего несколько секунд, потом все-таки ответила.

– В Монте-Карло.

– Прекрасно, – кивнул действительный статский советник. – И второе: мне нужен будет список и описание драгоценностей, которые вы отдали Платону Николаевичу. Возможно, в ходе моих розысков всплывут какие-то из них, и я буду точно знать, что они связаны с вашим братом.

– Конечно, – заторопилась она, – конечно, я все сделаю. Но что мне сказать отцу?

Нестор Васильевич улыбнулся. На этот счет она может не беспокоиться, все вопросы с Николаем Гавриловичем он уладит сам.

Так оно и вышло. Тайный советник, узнав, что с дочерью все в порядке, немедленно успокоился и в детали входить не стал. Гораздо больше он беспокоился, что попусту ушло столько времени. Придя в себя, он велел отправить телеграммы на все пограничные пункты, однако за болезнью время было потеряно, и Платон Николаевич уже пересек рубежи Российской империи.

– Когда запланировано подписание договора? – спросил Загорский.

– Четвертого июля, – отвечал патрон. – До этого срока нужно успеть вернуть договор или, по крайней мере, его секретную часть.

– Пожалуй, можно отыскать заказчиков похищения и даже украсть у них соглашение, – задумчиво заметил Загорский. – Однако они наверняка уже вскрыли конверт и узнали о содержимом секретной части...

– Это не так важно, – отвечал тайный советник нетерпеливо. – О содержимом секретной части они могут узнать даже из сопроводительного письма, которое пропало вместе с договором. Важно, чтобы содержимое это они не предали огласке. Идеальный вариант – это если бы мы забрали у них договор до того, как они вскроют конверт. Потому что если у них нет на руках документа с печатью канцелярии и подписью государя, у них нет доказательств существования секретной части – пусть даже они знают ее содержание.

– А если они все-таки вскрыли конверт?

– Тогда... – патрон умолк и тяжело задумался. Потом поднял глаза на Загорского. – Тогда, вероятно, придется вступить с ними в переговоры, чтобы вернуть бумаги и, самое главное, избежать огласки. В конец концов, это, вероятно, какие-нибудь международные авантюристы, которым просто нужны деньги. Попробуйте воздействовать на них угрозами, посулами, в конце концов, просто подкупить их.

С минуту действительный статский советник молчал, размышляя.

– Но вы понимаете, насколько призрачны наши шансы в этом деле? – спросил он наконец.

– Понимаю, – патрон криво улыбнулся. – Но, увы, другого выхода у нас нет.

«У тебя-то уж во всяком случае», – с грустью подумал Нестор Васильевич, но вслух, разумеется, не сказал.

– Значит, четвертого июля, – проговорил он задумчиво. – У нас впереди всего три недели... Однако отступать все равно некуда, так что попробуем успеть.

Глава вторая

Грации Монте-Карло

Горячее июньское солнце с небывалой силой светило с высоких синих небес, отражаясь в теплом море, и заставляя дам сбрасывать с шеи кружевные шарфики, а господ – расстегивать верхние пуговицы своих сорочек.

На верхнем уровне прибрежной террасы, любуясь заливом, на котором, словно на синем зеркале, застыли легкие парусные яхты, стояли два джентльмена. Один, высокий и седоволосый, но с черными бровями, был одет в дорогой черный фрак с черной бабочкой, белую сорочку с бриллиантовыми запонками и черные ботинки. Второй, ростом пониже, покореннее и при том, кажется, азиат, щеголял в салатовом костюме-тройке.

За спиной у них возвышалась гора Монте-Карло, на которой расположилось самое знаменитое в мире казино, перед глазами раскинулось Средиземное море, по правую руку укоренился на откосе кремовый, словно торт, геометрически выверенный дворец князей Гримальди.

– Когда мы были здесь в последний раз? – спросил азиат, не отводя взгляда от фланирующих вдоль берега дам с разноцветными зонтиками.

– Здесь – никогда, – коротко отвечал его спутник. – Мы были в Канне, когда занимались делом Саввы Морозова, но в Монако наша нога еще не ступала.

– Кстати сказать, как поживает Савва Тимофеевич?

– Полагаю, прекрасно, – отвечал седовласый джентльмен, нетерпеливо покручивая на пальце простое металлическое кольцо. – Как известно, настоящая жизнь наступает у человека именно после смерти.

Если бы этот разговор услышал кто-то посторонний, он бы наверняка решил, что имеет дело с умалишенными. Однако ни действительный статский советник Загорский, ни его верный помощник Ганцалин не были и не собирались становиться клиентами желтого дома. Просто они вели разговор о материях, о которых не имел представления человек посторонний.

– Что здесь делает военный корабль? – полюбопытствовал Ганцалин, указывая на крейсер, стоявший на рейде.

– То же, что и все остальные, – отвечал Загорский. – Монако – международный порт, сюда заходят все, кому позволяет осадка.

Китаец кивнул, однако пробурчал, что вид британского военного корабля несколько смазывает благостную картину. Нестор Васильевич посоветовал ему представить, что это русский военный корабль – и тогда картина покажется ему благостной вдвойне.

– Скажи-ка мне, друг Ганцалин, что тебе известно о княжестве Монако? – полюбопытствовал действительный статский советник.

Ганцалин пожал плечами: то же, что и всем. Микроскопическое княжество на Лазурном берегу Средиземного моря занимает полторы квадратных мили и находится под протекторатом Франции. Кроме того, здесь работает крупнейшее и самое знаменитое в Европе казино, которое расположено прямо у них за спиной.

– Если бы ты был учеником русской прогимназии, я бы поставил тебе твердую тройку, – заметил Нестор Васильевич. – Однако ты – вполне взрослый китаец, и к тому же детектив, поэтому подобный ответ я принять не могу. Сколько раз я говорил, что к расследованию, тем более – за границей, надо готовиться особым образом?

– Много, – не моргнув глазом, сказал Ганцалин, – много раз говорили, а сколько точно – не припомню.

Господин с упреком заметил, что он мог заглянуть хотя бы в путеводитель.

– Я китаец, а китайцы не любят читать, – отвечал Ганцзалин. – Может быть, это даже такая болезнь. Со временем ей найдут красивое научное название.

Загорский отвечал, что красивое название этой болезни уже нашли. Называется она «дислексия» или, иначе, врожденная словесная слепота.

– Но твой случай тут не при чем, у тебя не болезнь никакая, а обычная лень, – припечатал действительный статский советник. – Но все-таки хотя бы основные вещи о Монако тебе придется выслушать.

Китаец при этих словах, кажется, даже облизнулся: слушать он любит, слушать – это совсем не то, что читать.

Господин и помощник уселись на одну из скамеек, поставленных по всей террасе, и Загорский начал свой рассказ.

– По легенде, в шестом веке до нашей эры лигурийские племена основали тут колонию Мбнойкос. Говорят, что в строительстве здешнего порта участвовал сын Зевса, греческий полубог Геракл. Поэтому порт назвали в его честь, а именно Порт одинокого Геракла.

– А почему Геракл одинокий? – полюбопытствовал китаец.

Загорский пожал плечами. Скорее всего, имелось в виду не одиночество самого Геракла, а возведенный в его честь храм или, иначе, дом Геракла. Монойкос как раз и означает уединенное, отдельно стоящее владение или храм. Отсюда, видимо, и пошло название самой местности и будущего княжества.

Гораздо позже, в начале тринадцатого века, здесь была основана генуэзская колония и построена крепость. В конце того же самого тринадцатого века знатное семейство Гримальди по политическим причинам было изгнано из Генуи. Один из Гримальди, по имени Франсуа, имевший прозвище Хитрец, взял помощника, они переоделись в монахов и попросили в крепости прибежища. Когда им открыли, они выхватили спрятанные под рясами мечи, перебили стражу и, отперев ворота вооруженным сообщникам, захватили Монако.

– Хорошее начало для новой княжеской династии, – заметил помощник.

Нестор Васильевич только плечами пожал. Если бы Ганцзалин больше интересовался историей, он знал бы, что так или примерно так начинали свой путь многие знаменитые ныне монархии. Сейчас все они, конечно, законники и гуманисты, но палец в рот им все равно не клади – откусят по самый локоть.

– Что же, и наш государь император тоже откусит? – не поверил китаец. – Неужели нет разницы между царственной особой и простым крокодилом в зоологическом саду?

Загорский не удостоил ответа это неуместное замечание и продолжил свой рассказ.

Местоположение княжества было очень удобно со стратегической точки зрения. Согласно, опять же, преданиям, много лет князя из рода Гримальди грабили проходящие мимо караваны и суда, фактически став венценосными пиратами. Однако время шло, маленькое княжество атаковали государства более крупные, в первую очередь генуэзцы. После долгих мытарств и войн Монако уже в XIX веке вернуло себе номинальный суверенитет, но фактически осталось под французским протекторатом...

– Тут стоило бы вернуться немного назад, к знаменитому проклятию Гримальди, – внезапно перебил сам себя действительный статский советник.

Ганцзалин наострил уши: что за проклятие?

– Как говорят по любому поводу французы: ищите женщину, – отвечал Нестор Васильевич. – Согласно преданию, в тринадцатом веке первый князь Монакский Ренье похитил в Голландии прекрасную девушку, обесчестил ее, после чего, обвинив в колдовстве, отправил на костер. Девушка, которая якобы и правда оказалась ведьмой, в свой последний час прокляла весь род Гримальди, объявив, что никто из них не познает счастья в браке.

– Судя по всему, проклятие не сбылось, – заметил помощник. – Гримальди богатеют, а также плодятся и размножаются.

– Все не так просто, – возразил Загорский. – К примеру, князя Монако Луи Первого бросила его супруга Екатерина-Шарлотта. Она не просто сбежала от мужа, но и нанесла его чести тяжелое оскорбление, став фавориткой короля Франции Людовика XIV. Подобных историй было множество. Супруга князя Антуана Первого Мария Лотарингская изменяла мужу. После смерти Антуана Первого мужская линия Монакских Гримальди пресеклась. Однако проклятие перешло и на преемников трона. Жена князя Оноре Третьего предпочла законному супругу принца Конде. Оноре Четвертый после одиннадцати лет совместной жизни расстался с Луизой д’Омон-Мазарен. Жена Карла Третьего, княгиня Антуанетта умерла молодой, ей было всего тридцать пять лет. Даже правящему ныне князю Монако Альберу не удалось избежать семейных проблем. В 1869 году он женился на Марии-Виктории Гамильтон, с которой позже развелся. В 1889 году князь Альбер женился во второй раз – на Алисе Ришелье. Княгиня Алиса покровительствовала искусствам, благодаря ее стараниям театр Монте-Карло стал популярен в Европе. Но спустя 13 лет брака, в театре, прямо на глазах у публики, Альбер дал жене пощечину – как говорят, причиной тому была измена. Официально Альбер и Алиса так и не развелись, но вместе с тех пор не живут.

Китаец только головой крутил ошеломленно – однако и жизнь у этих князей, не соскучишься.

– Впрочем, настоящее проклятие рода Гримальди – это вовсе не измены и разводы, – продолжал действительный статский советник. – Я полагаю, что подлинное проклятие Монако – это казино Монте-Карло, где ежегодно спускаются многие миллионы... Так или иначе, пора нам навестить это сомнительное заведение и проиграть там рублей пятьсот.

– Вы, наверное, хотели сказать – выиграть? – поправил его помощник.

Однако действительный статский советник отвечал, что он сказал то, что хотел сказать. И если Ганцалин услышал слово «проиграть», то, значит, речь идет именно о проигрыше.

Они повернулись и спустя минуту были уже на главной площади Монте-Карло. Здание казино, возведенное из белого мрамора в стиле боз-ар, воздвиглось перед ними со всеми своими башенками, колоннами и скульптурами, как дворец неведомого сказочного правителя. Со всех сторон казино окружала тропическая зелень.

К казино, не торопясь, или, наоборот, быстрой взвинченной походкой подходили хорошо одетые господа. Иногда на площадь выезжали экипажи, которые влекли породистые лошади с подвязанными на манер султана хвостами. Из экипажей выходили все новые игроки, некоторых сопровождали дамы, по большей части молодые и красивые. Однако много было и одиноких мужчин, которые, несмотря на безупречный костюм, выглядели растерзанными, а глаза их беспорядочно перебегали с предмета на предмет. Одни входили в казино спокойно и даже весело, уверенные в себе, другие почти врывались внутрь, и двери заглывали их, словно пасть Люцифера.

С каждой секундой людей на площади становилось все больше. Не все они, разумеется, направлялись непосредственно в казино, но все, казалось, были охвачены каким-то горячечным волнением.

Проехала конка с надписью по-французски «Ницца. Эз. Монако. Монте-Карло». Проскакало несколько всадников с плюмажами на голове – то ли военные, то ли карабинеры. Распугивая окружающих гудками, ворвался на площадь открытый черный мотор и тут же выехал с нее, даже не притормозив. Слева от входа в казино уместился квартет: контрабас, труба, скрипка и клавикорды – четыре музыканта в белых костюмах и белых шляпах усердно поднимали настроение почтеннейшей публике.

– Это и есть шикарная жизнь? – ревниво спросил Ганцалин у хозяина.

– Тут могут быть разные мнения, – коротко отвечал тот, и они двинулись к казино.

Внутри здания вела широкая мраморная лестница. Слева от входа располагался секретариат или, проще говоря, касса. Здесь Загорский и Ганцалин приобрели входные билеты, без которых двигаться дальше было нельзя.

Пройдя мимо гардероба, который обслуживался вышколенными лакеями в раззолоченных ливреях, они миновали лестницу, ведущую в правление казино и вошли в Атриум. Помещение это мало было похоже на центральные помещения древнеримских домов, от которых оно заимствовало свое название, да, кажется, и не претендовало на это. Скорее уж название «атриум» символически намекало на раннехристианские времена, когда атриумом именовался дворик перед входом в храм.

– Храм бога Плутоса, – уточнил Загорский, со смешанным чувством недоброжелательности и интереса озирая Атриум. Свет падал вниз сквозь потолочные витражи, мягко озаряя могучие колонны, поддерживающие расположенную под потолком галерею, и ненавязчиво подчеркивая желто-голубое великолепие зала.

Нестор Васильевич повернул налево, к игровым помещениям.

– Тут несколько залов, – инструктировал он помощника, пока они шли под высокими сводами Атриума. – Салон Европы, Белый зал, Американский зал и так далее. Пока я буду играть, ты обойди их все. Если судьба нам улыбнется, ты быстро найдешь блудного Платона Николаевича...

– А если не улыбнется? – спросил помощник.

– Именно на этот случай я и иду проигрывать наши деньги, – спокойно отвечал Загорский.

Помощник полюбопытствовал, где он будет проигрывать – в «однорукого бандита» или в рулетку?

– В «однорукого бандита» играют только круглые сироты, которым жизнь не мила, – назидательно заметил Загорский. – Рулетка тоже не подходит. Она привлекает слишком много внимания посторонних. Кроме того, там почти нет личного контакта с крупье. И, наконец, в рулетке слишком многое зависит от случая. Ты не можешь выиграть по заказу и не можешь по заказу проиграть. А нам важно держать Фортуны в узде. Следовательно, наш выбор – карты.

Возле входа в собственно игорные залы высились два господина, одетые во все черное, кроме белоснежных сорочек. Проверив входные билеты, они услужливо открыли двери перед Загорским и его помощником.

Тут стало ясно, что найти сына тайного советника среди такого множества людей – дело весьма нелегкое. По залам помимо собственно игроков бродили толпы любопытствующих, среди которых много было не только мужчин, но и шикарно, а иной раз даже и вызывающе одетых дам. Возможно, все это были неудачники, которые проигрались в дым, но никак не могли покинуть Монте-Карло, отравленные золотым ядом его атмосферы, или, может быть, те, кто что-то выиграл, и решил сделать разумную паузу перед следующей ставкой...

– Да тут полно шпионов, – заметил Ганцалин, неодобрительно разглядывая толпу.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Нестор Васильевич, который скупающим взглядом обводил открывшееся перед ними сияющее пространство.

– Почти все эти люди здесь не просто так, – отвечал помощник. – Они явно следят за игроками...

Тут Загорскому пришлось прочитать Ганцалину небольшую лекцию о сути игорных заведений. Выходило со всей очевидностью, что только игрок способен рассчитывать на везение, казино не может позволить себе такой роскоши. Что бы ни случилось, заведение должно оставаться в прибыли, причем прибыль эта должна быть большой, а лучше – фантастической. Чем больше денег было вложено в казино, тем больше денег оно должно приносить. Для этого существуют специальные способы. Один из них – это как раз шпионы. В Монте-Карло, как

легко догадаться, они присутствуют не только в игорных залах, но и в ресторанах, кофейнях, читальных залах и даже в опере...

– Тут есть опера? – удивился Ганцалин.

Действительный статский советник посмотрел на него с легким неудовольствием. Да, тут есть прекрасный оперный театр, где регулярно выступают европейские знаменитости. Но речь сейчас не об этом. Речь о том, что шпионы очень быстро узнают финансовое положение, характер и наклонности игрока, и именно они разрабатывают стратегию по выманиванию из клиента денег. Они, например, определяют сумму, которую крупье должен ему проиграть, определяют, когда в нем можно поселить надежду, а когда – обобрать его до нитки, притом со всей возможной жестокостью.

– Но если человек проиграется до подштанников, как он вернется домой? – удивился китаец.

– На этот случай тоже кое-что предусмотрено, – отвечал Загорский.

– Что предусмотрено – запасные подштанники?

Хозяин засмеялся.

– О подштанниках и прочих игорных радостях давай-ка в другой раз. Я – за карточный стол, а ты, будь любезен, поищи Платона Николаевича.

С этими словами он отправился в угол, где скучал за столиком молодой крупье в темном жилете и белой сорочке с бабочкой. Увидев Загорского, крупье любезно улыбнулся и жестом пригласил его к столу. Однако сесть Загорский не успел. Прямо перед его носом к стулу порхнула и изящно поместилась на нем не слишком юная уже, но яркая и очаровательная женщина. Загорский разглядел нежный овал лица, каштановые волосы, обрамлявшие его, как рама картину, и глаза, цвета которых нельзя было различить в полутьме зала. Однако глаза эти смотрели на Нестора Васильевича с необыкновенным вызовом. Сама женщина, словно роза, была охвачена белым огнем бального платья.

– Мсье, я, кажется, заняла ваше место, – сказала она по-французски, капризно подняв брови.

– Ничуть не бывало, сударыня, – отвечал Загорский любезно. – Во-первых, здесь могут играть сразу несколько человек, во-вторых, я почел бы за честь уступить место за столом живому символу Прекрасной эпохи Лиане де Пужи.

– Символу Прекрасной эпохи! – поморщилась дама. – Это звучит так, как будто мне по меньшей мере сто лет.

– Вовсе нет, всем известно, что вам значительно меньше, – Нестор Васильевич слегка улыбнулся.

Она смерила его разгневанным взглядом.

– А вы наглый и дерзкий!

– У нас в России это называют иначе – мужским обаянием.

Де Пужи оживилась.

– Вы из России? Как вас зовут?

– Меня зовут Нестор Васильевич Загорский, к вашим услугам, – отвечал действительный статский советник, тщательно выговаривая все звуки.

– Ва... сильевитч, – с трудом повторила мадам Лиана. – Как Ивана Грозного. Вы меня не обманываете? Скажите что-нибудь по-русски, чтобы я вам окончательно поверила.

Загорский засмеялся.

– А вы знаете русский язык?

Де Пужи отвечала, что ее будущая свекровь – дочь русского полковника и даже научила ее нескольким самым главным русским выражениям, благодаря которым в России все будут считать ее своей.

Нестор Васильевич осведомился, что же это за выражения такие.

– Это прекрасные выражения, – отвечала мадам Лиана. – Они рождены вековой мудростью русского народа, сейчас я их вспомню...

Тут она нахмурила лоб и медленно, с сильным акцентом выговорила.

– Идите к чьорту!

Загорский полностью одобрил это выражение, как весьма нужное и очень русское по самой сути своей. Ободренная Лиана немедленно попыталась вспомнить и второе.

– Идите в... идите в?..

Тут она прервалась и беспомощно поглядела на действительного статского советника: куда там рекомендует идти русская народная мудрость?

Загорский, однако, сказал, что это совершенно неважно. Это тоже очень русское выражение, но ей вполне достаточно запомнить первую сказанную ей фразу.

– Не нужно знать слишком много, – заметил он. – Как говорил еще царь Соломон, во многих мудрости есть много печали. А царь Соломон знал в жизни толк.

Она посмотрела на него с интересом и щелкнула пальцами. Расторопный лакей немедленно принес стул. Она кивком указала на него Загорскому, тот улыбнулся и сел рядом. На него пахло легчайшим ароматом духов «Коті».

– Откуда в России знают Лиану де Пужи? – спросила она.

Нестор Васильевич пожал плечами. В России тоже есть газеты, а лично ему про прекрасную парижскую этуаль⁶ рассказывал поэт Жан Лоррэн.

– Ах вот как, – проговорила она, – значит, нет необходимости казаться большей дурой, чем я есть на самом деле?

– Как вам будет угодно, – поклонился действительный статский советник. – Впрочем, тому, кто читал вашу книгу «Эссе хómo», трудно будет поверить, что за таким сокрушительным очарованием скрывается такая же сокрушительная глупость...

Она засмеялась.

– Вы понимаете, что ваши комплименты граничат с дерзостью?

– Зато они идут от чистого сердца.

Несколько секунд она смотрела на него, нахмурившись, потом скорчила капризную гримаску.

– Вы меня дразните?

– А если и так? Согласитесь, соблазнительно подразнить самую яркую женщину нашего времени...

Она улыбнулась, но улыбка, как показалось Загорскому, вышла грустной.

– Вы мне нравитесь, – сказала она, – но наша встреча должна была бы случиться несколько ранее.

– А в чем дело? – удивился Загорский. – Неужели вы уходите в монастырь?

Она вздрогнула.

– Вы странный человек, – проговорила она, обжигая его огнем своих прекрасных глаз. – Нет, разумеется, я не ухожу в монастырь. Хотя иногда думаю об этом. Но не теперь, не сейчас.

– Так в чем же дело? – повторил Загорский.

– Я обручена. День свадьбы уже назначен.

– И кто же этот счастливец?

– Это румынский князь Георгий Гик.

Загорский поднял брови. Воля ваша, но это удивительный мезальянс. Князь, конечно, молод, но беден, как церковная мышь. Лиана отвечала, что ее богатства хватит на них обоих. Что же касается его молодости, то никто не удивляется, когда шестидесятилетний старец

⁶ Étoile (*фр.*) – звезда. Это слово в начале XX века во Франции обычно применяли к танцовщицам, звездам театра и балета. Имело привкус некоторой скандальности и двусмысленности.

женится на двадцатилетней. Почему бы сорокалетней женщине не выйти замуж за двадцатипятилетнего?

Нестор Васильевич несколько смутился. Он вовсе не это имел в виду, говоря о молодости князя.

– А что вы имели в виду? – насмешливо спросила она. – Что он будет мне изменять? И пусть. Я сама стольким изменяла, что это будет лишь справедливо. Черт с ними, с изменами, зато я стану княгиней.

Она окинула внимательным взглядом действительного статского советника. Судя по его виду, он потомственный дворянин и не понимает, что это такое – родиться в простой семье и всего достигать своим умом и талантом.

– Почему же, я это отлично понимаю. У русских есть даже такая поговорка, из грязи в кня... – тут он осекся, сообразив, что поговорка эта сейчас может прозвучать просто оскорбительно.

Желая побыстрее сменить тему, Загорский полюбопытствовал, что же делает в Монте-Карло парижская этуаль?

– Это, если хотите, мой последний вояж перед свадьбой, – отвечала она. – Пока я свободна, я приехала повидать места своей молодости, где была счастлива когда-то... и которые сделали меня такой несчастной, – неожиданно добавила она.

Загорский заметил, что у нее как-то странно заблестели глаза. В следующую секунду де Пужи порывисто поднялась со стула и, не прощаясь, пошла прочь. Загорский проводил ее сочувственным взглядом. Потом перевел глаза на крупье, который уже истомился без дела.

– Очаровательная дама, – сказал тот, вежливо улыбнувшись.

– Эта дама – одна из трех граций Прекрасной эпохи, – отвечал Нестор Васильевич, – знаменитая Бледная роза Лиана де Пужи. Десять лет назад не было в Монако человека, который бы не знал ее, а сейчас... Сдавайте карты, юноша.

* * *

Спустя четыре часа Загорский, не торопясь, выходил из казино на улицу, озаренную мягким предвечерним светом. Бумажник его после игры несколько похудел, однако на настроении действительного статского советника это никак не сказалось. Он купил у мальчишки-разносчика газету, сел на скамейку и углубился в чтение.

Спустя полчаса действительный статский советник посмотрел на часы и проговорил с неудовольствием.

– Однако этот бездельник заставляет себя ждать...

И снова углубился в чтение. Спустя пару минут за плечом его кто-то спросил с живым интересом:

– Что пишут в газетах?

– Пишут, что некоторые китайцы проявляют возмутительное небрежение своими обязанностями, – не поворачивая головы, отвечал Нестор Васильевич.

– Между прочим, некоторые китайцы выиграли сегодня целых шестьсот франков, – выходя на передний план, заметил Ганцалин. – А чего добились их хозяева?

– А вот это не твоего ума дело, – сурово отвечал Загорский. – Я тебя зачем привел в казино? Чтобы ты искал Платона Николаевича. А ты чем занимался, позволь узнать? Играл в рулетку?

Обиженный помощник отвечал, что, во-первых, одно другому не мешает. Во-вторых, он сначала обшарил все казино сверху донизу, но не нашел там следов Платона Николаевича. Он увидел, что хозяин занят и решил провести свободное время с пользой. И это ему удалось.

И Ганцалин хвастливо потряс банкнотами перед носом Нестора Васильевича.

– Значит, я из кожи вон лезу, чтобы на глазах у всех хладнокровно проиграть тысячу-другую франков, а ты тем временем набиваешь свой карман? – нахмурился Загорский.

– А какая польза в том, чтобы проигрывать? – осклабился помощник. – Люди едут в Монте-Карло, чтобы обогащаться, одни мы хотим здесь разориться. Какой в этом смысл?

– Огромный, – отвечал господин. – И очень скоро ты это поймешь...

Он снова посмотрел на часы и окинул площадь нетерпеливым взглядом.

– Однако сегодня все решили испытывать мое терпение, – заметил он. – Они явно запаздывают.

– Кто – они? – не понял китаец.

– Куртизанки, – отвечал действительный статский советник. – Я жду, пока меня подцепят на крючок.

Ганцалин посмотрел на хозяина с интересом.

– Я проиграл сегодня приличную сумму, причем сделал это, не моргнув глазом, – объяснил Загорский. – Совершенно ясно, что я человек весьма состоятельный. Однако, судя по тому, как спокойно я проигрываю, человек я не очень азартный. Это значит, что я могу просто взять и уехать отсюда, увезя все свои деньги. Допустить этого казино никак не может и должно было подослать ко мне девушку, которая всерьез занялась бы мной и моими финансами. Тем не менее, девушка явно не торопится.

– Но зачем вам куртизанка? – удивился Ганцалин. – Вам стоит свистнуть и любая порядочная барышня с удовольствием вручит вам свое сердце.

Загорский отвечал, что порядочные барышни не знают, того, что знают куртизанки, которые годами работают в Монте-Карло. Им сейчас нужно найти Платона Николаевича. Они бы, конечно, могли отправиться в полицию и навести справки там, но вся здешняя полиция состоит на содержании Общества морских купален Монако...

– Что за общество такое? – заинтересовался помощник.

– Общество наипрекраснейшее, – отвечал господин. – Ему принадлежит не только казино Монте-Карло, но и все дома вокруг, рестораны и все, что только можно купить в Монако за деньги. Говорят, что фактическим хозяином княжества является вовсе не князь Альбер, а именно Общество морских купален.

– Кому же принадлежит это достойное общество? – спросил китаец.

Нестор Васильевич пожал плечами. Основал его создатель казино Франсуа Блан, а вот кому оно принадлежит? Вероятно, самому себе, как все подобные организации. Даже если у общества есть официальные владельцы, возможно, они только марионетки. Так или иначе, Загорский продемонстрировал, что у него есть деньги, и теперь нужно ждать появления барышень, работающих на казино. Вот только он не намерен становиться игрушкой в их руках, а, напротив, хочет использовать для поисков Платона Николаевича.

– Как же казино узнает, какие девушки вам нравятся? – спросил помощник. – Оно, например, пришлет блондинку, а вы любите брюнеток. Или даже и вовсе рыжих. Как им угадать?

– Во-первых, в моем возрасте мужчины уже не делают особенной разницы между блондинками и брюнетками, был бы человек хороший, – усмехнувшись, отвечал Нестор Васильевич. – Во-вторых, узнать мужские предпочтения довольно просто. Когда мужчина идет через игровой зал, полный самых разных женщин, он волей-неволей обращает внимание на тот или иной тип. И это заметно окружающим. Так что уверяю тебя, девушку мне подoshлют именно такую, которая мне понравится. Другое дело, что я, как уже говорилось, не различаю брюнеток и блондинок. Но, может быть, мне так только кажется?

Посидев еще минут десять за ни к чему не обязывающей болтовней, они решили отправиться на террасу и полюбоваться закатом.

Обойдя казино, они спустились к берегу моря. И неожиданно для себя попали на диковинное развлечение: гостям Монте-Карло предлагалось проявить себя в качестве меткого стрелка.

На побережье, огороженное от зрителей невысокой оградой, вышел господин в коричневом сюртуке. Стоявший рядом служитель вооружил его охотничьим ружьем. Футах в пятидесяти от него другой служитель в клетчатом кепи торжественно установил на земле небольшую коробку.

– Стрельба по коробкам? – удивился Ганцалин. – Что за странное увеселение для взрослого человека?

– Как говорили древние, не судите опрометчиво, а главное – не судите второпях, – отвечал господин.

Тем временем коробка закачалась из стороны в сторону и вдруг раскрылась, словно цветочный бутон. Внутри сидел белый голубь. Ослепленная закатным светом опускающегося солнца, птица ошалело вертела головой, не понимая, где она и что с ней. Служитель метнул в ее сторону небольшой шар, который покатился по земле прямо в цель. Напуганный голубь вспорхнул вверх. Господин в сюртуке выстрелил, почти не целясь. Белоснежные перья разлетелись в воздухе, и маленькое бездыханное тельце упало на утоптанную землю, подскочив на ней, как мячик. К голубю немедленно подбежала охотничья собака, взяла его в зубы и понесла к служителю, который бросил трупик в стоящую рядом корзину.

Загорский поморщился – он не любил глядеть на страдания живых существ. Однако публика, похоже, не разделяла его чувств: все оживленно обсуждали меткий выстрел. Впрочем, как вскоре выяснилось, у Загорского все же нашлись союзники. Какая-то юная девушка быстро подошла к стрелку и с маху влепила ему пощечину.

– Мсье, вы мерзавец и живодер! – крикнула она.

От резкого движения ее шляпка упала на песок, глаза сверкали негодованием. Господин в сюртуке побагровел от гнева. Разглядев, что девушка совсем юна и скромно одета, он разозлился еще больше.

– Как вы смеете?! – крикнул он и схватил ее за руку. – Я научу вас вежливости, девчонка!

И он сжал ее запястье так, что барышня побледнела от боли. Неизвестно, что случилось бы дальше, но тут в их ссору мягко, но решительно вмешалась третья сторона. Чья-то мужская, и, видимо, очень сильная рука перехватила запястье меткого стрелка и так сдавила его, что тот, вскрикнув, отпустил девушку.

– Что вы делаете? – в ярости крикнул он прямо в лицо Загорскому. – Вы в своем уме?

– Не уверен, – хладнокровно отвечал действительный статский советник. – Был бы я в своем уме, скорее всего, просто раскроил бы вам череп.

Господин взглянул на Загорского, потом на Ганцалина, который отвратительно скалился, стоя за его спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.